

R 6.603
2

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ԳՐԱԳԻՏՈՒԹՅԱՆ
ՊԱՏԱԿԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

Լյուբովա Ար

Ֆրիդրիխ Բաբսկ

Ֆրեդրիխ Ա

ՏՐԻ ≡ ԿՈՐՈԼՅԱ

ԻԶԴԱՏԵԼՅՏՎՈ «ԱՄԻՐԱՆ»
ՅԼ. ԿՐԱԲԻԴՅԵ.

Տպ. 1906 թ.

А. Чхенкели.

9(44+43+43.6):32.5.2

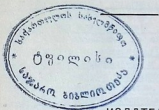
Три Короля.

„Исторія королей есть книга страданій народовъ“.

Тригорій, французскій епископъ

6.603
R 2

Посвящается Ф. М.

ИЗДАТЕЛЬСТВО „АМИРАНЪ“.
Ал. Арабидзе.

Спб. 1906 г.

Издательство „Амиранъ“ в Петрограде и в Москве

Рисунки: (18x10) 90к

Великая Гражданская война
1789 - Людовик, 16

Революция 1840г - Герман
Князь - Фридрих Кильсальм, 4

Революция 1848г - Австрия
Венгрия - Германия!

ИЗДАТЕЛЬСТВО "ЛАНЬ" В. В. В. В.

Три короля.

„Исторія королей есть книга страданій народовъ“.

Григорій, французскій епископъ.

Посвящается Ф. М.

„Ничего!“—вотъ то, по истинѣ, простое словечко, которое занесъ въ свой дневникъ французскій король Людовикъ XVI въ знаменитый день взятія парижанами неприступной Бастили, 14 июля 1789 года. Этотъ день Людовикъ XVI считалъ неудачнымъ... не потому, конечно, что съ нимъ совпало разрушеніе главной твердыни династіи Бурбоновъ, а только потому, что онъ не подстрѣлилъ въ этотъ день ни одной куропатки и тѣмъ лишился пріятнаго удовольствія присоеди-
нить къ „славнымъ дѣяніямъ“ своихъ коронованныхъ предковъ еще одинъ лишній „государственный“ актъ.

Не „боги отнимаютъ зрѣніе у королей“, какъ это принято говорить, а деспотія или по нашему, самодержавіе съ его камарильей и бюрократіей. Систематическое преслѣдованіе малѣйшаго проявленія общественной и индивидуальной мысли, это—одинъ изъ главныхъ палладіумовъ всякой деспотіи, вліяетъ одинаково неблагоприятно, какъ на общество, такъ и на правителей: на ряду съ возрастаніемъ духовной нищеты перваго, неудержимо растетъ тупость вторыхъ. Заставляя общество молчать, правители тѣмъ самымъ лишаютъ себя всякой возможности быть даже поверхностно освѣдомленными о немъ. Они не только ничего не знаютъ о

соотношенія различныхъ силъ въ обществѣ, но даже
вовсе отрицають присутствіе въ немъ какой-бы-то ни
было силы. Между тѣмъ, не зная своихъ подвизствъ
этихъ это значить—потерять надъ ними господство.
Этого не знаютъ восточные мамелюки, да еще наши
саграны. Въ результатѣ получается „печальное недора-
зуміе“, но не для общества, а для правителей: пер-
вое разносить до основанія весь вѣковой строй, а вто-
рые, выпучивъ глаза, разводять руками и бормочать
„ничего!“ Изъ все еще кажется совершающійся вели-
чайшій фактъ мистеріей, не замѣчая, что уже съ этого
момента существованіе ихъ самихъ сдѣлалось насто-
ящей мистеріей...

Какъ ни пріятна бесѣда съ читателемъ на эту тему,
я, къ сожалѣнію, долженъ прервать ее и перейти прямо
къ дѣлу. Эта маленькая работа ставить своей цѣлью
познакомить читателя съ нѣкоторыми типичными эпи-
зодами изъ дѣятельности трехъ королей во дни важ-
нѣйшихъ европейскихъ революцій. Задумана она не за
тѣмъ, будто авторъ ея придавалъ рѣшающее значеніе
главѣ государства во время революціи. Всякая рево-
люція есть прежде всего одно или нѣсколько генераль-
ныхъ сраженій между антагонистическими классами об-
щества. Короли, какъ вообще единичныя личности, иг-
раютъ въ ней подчиненную роль. Значеніе ихъ пропор-
ціонально количеству услугъ, оказываемому ими соб-
ственному классу.

Людовикъ XVI.

Людовикъ XVI.

Для современнаго русскаго читателя не представляеть особеннаго интереса описаніе французскихъ условий, въ особенности, — самодержавно-деспотическаго режима Людовиковъ, до Великой Революціи 1789 года. Самодержавно-деспотическій режимъ такъ хорошо извѣстенъ у насъ по горькому опыту, что, если-бы вся наука объ обществѣ исчерпывалась однимъ только описаніемъ его, то російскіе обыватели по истинѣ могли-бы считать себя самыми просвѣщенными въ мірѣ, по крайней мѣрѣ, въ этой области. Въ самомъ дѣлѣ, какой-нибудь англійскій джентльменъ, или французскій публицистъ меньше знаетъ теперь о деспотіи со всеми ея вакханаліями, чѣмъ самый заурядный мѣщанинъ изъ „первопрестольной“ Москвы. Дурново-Витте такъ-же непонятны современному европейцу, какъ египетскіе іероглифы, для растолкованія которыхъ ему нужны ученые специалисты. Какъ извѣстно, и эти послѣдніе не гарантированы отъ ошибокъ.... Вотъ была-бы благодатная миссія для нашихъ „уважаемыхъ“ профессоровъ Милюковыхъ-Ковалевскихъ, если-бы они, вмѣсто того, чтобы заниматься чуждой имъ „политикой“, взялись толковать европейцамъ іероглифы російскіе „о сущности“ деспотіи и т. п. Пусть эти „въ Россіи не республиканцы“ припоминаютъ какими успѣхомъ пользуется американецъ Дж. Кеннанъ, — а они вѣдь куда интереснѣе будутъ!

Я опять уклонился, но въ виду „невиѣяемости“ нашего времени читатель, надѣюсь, простить. И такъ, во Франціи до и послѣ 1789 года все было такъ, какъ теперь у насъ въ Россіи. Самодержавіе было тѣмъ непросвѣтнымъ кошмаромъ, въ которомъ задыхалась вся

нація. Во главѣ этого режима „Божіей милостью“ возсѣдалъ правнукъ изысканнаго деспота Людовика XIV-го, и внукъ сладострастнаго поклонника проститутки, Помпадурь-Дюбарри Людовика XV-го, „помазанникъ“ Капетъ, онъ-же Людовикъ XVI. Его царствование было подобно... но воздержимся отъ сравненій. Марія Антуанета Австрійская стояла во главѣ придворной камарильи и, какъ таковая, была искусительницей, отъ которой ея мужъ Людовикъ XVI томился въ состояніи беременности не 9 мѣсяцевъ, а всю жизнь. Для краткости добавлю: всевластіе Дурново-Витте, сатрапия Дубасова Чухнина-Орлова-Алиханова-Меллера-Закомельскаго, святая тріединная кавалерія-инфантерія-артиллерія (только безъ пулеметовъ!) съ „лихими казаками“, доблестная рать „черная сотня“ съ благословенія „киевонечерскихъ угодниковъ“ и во главѣ „съ истинными членами русскаго собранія“... словомъ, всѣ эти прелести нашихъ дней процвѣтали въ тогдашней Франціи не хуже.

И не смотря на это, народъ Франціи, и прежде всего рабочіе Парижа не хотѣли угомониться и своимъ периодическимъ выкрикиваніемъ мучительной боли, причиняемой имъ всей тогдашней жизнью, наводили ужасъ на властелиновъ. Съ другой стороны, военныя разоренія, огромный бюджетъ на полицію всѣхъ сортовъ, мошенническое хозяйничаніе бюрократовъ-временщиковъ, неистовый разгулъ королевскаго двора опустошили въ концѣ казначейство. Созывъ хоть какого-нибудь подобія народнаго представительства для получения средствъ сдѣлался вопросомъ времени и онъ былъ вскорѣ разрѣшенъ. Камарилья въ лицѣ Капета назначила созывъ генеральныхъ штатовъ на май 1789 года.

Генеральные штаты являлись средневѣковой формой представительства съ участіемъ дворянства, духовенства и третьяго сословія, безъ всякихъ заранѣе разграниченныхъ правъ и компетенцій. Каждое сословіе заставляло и голосовало отдѣльно и потому представители *непривилегированныхъ* классовъ, входящіе въ составъ третьяго сословія, всегда оставались въ меньшинствѣ противъ дворянства и духовенства. И вотъ этимъ жалкимъ представительствомъ французская камарилья думала удовлетворить всѣхъ алчущихъ и жаждущихъ. Она была

наслѣдственно туна и не замѣчала въ тогдашней Франціи глубокихъ экономическихъ превращеній въ сторону совершенно новаго, капиталистическаго строя, которому исторіей было предназначено дальнѣйшее господство. Да она и не помышляла вовсе ввести какія-либо реформы; ей нуженъ былъ только и единственно вотумъ генеральныхъ штатовъ для заключенія новыхъ займовъ.

Тѣмъ не менѣе французское общество встрѣтило съ нескрываемой радостью созывъ г. штатовъ, а королю не разъ устраивало восторженные оваціи. Однако, его представители, явившись въ Версаль для принятія участія въ занятіяхъ г. штатовъ, скоро убѣдились въ преждевременности этихъ ликованій. Въ день открытія г. штатовъ король далъ имъ „отеческое“ наставленіе слѣдовать во всемъ указаніямъ свыше, а безподобный архи-филистеръ премьеръ-министръ Неккеръ представилъ имъ новый проектъ о займѣ. О нуждахъ націи, такимъ образомъ, не было и рѣчи.

Правящая клика ошиблась въ своихъ расчетахъ. Французская нація не за тѣмъ приняла участіе въ г. штатахъ, чтобы укрѣпить независтный ей феодально-деспотическій режимъ; она желала устранить всю эту гниль и установить новый конституціонный строй. Представители третьяго сословія, которые въ то-же время были представителями *цѣлой націи*, съ знаменитымъ трибуномъ Мирабо во главѣ, взялись энергично за народное дѣло. Они выставили требованіе о совмѣстныхъ засѣданіяхъ и голосованіяхъ всѣхъ трехъ сословій для выработки радикальныхъ реформъ.

Дворянство и духовенство упорно сопротивлялись требованію „черни“, но послѣдняя мало обращала вниманіе на ихъ слезы. Между тѣмъ камарилья всѣми силами поддерживала привилегированные классы. Она приняла рядъ мѣръ противъ представителей третьяго сословія и наконецъ выгнала ихъ изъ залы засѣданія. Депутаты перешли теперь къ рѣшительнымъ дѣйствіямъ: они торжественно поклялись не расходиться, пока Франція не получитъ настоящей конституціи, и велѣдъ за тѣмъ объявили себя національнымъ собраніемъ.

Людовикъ XVI, обиженный „дерзостью“ народныхъ представителей, появился передъ ихъ собраніемъ изли-

вать свое „монаршее“ горе о томъ, что никто „такъ не любитъ французовъ, какъ онъ“. Этотъ вырождающийся Бурбонъ мнилъ себя другомъ народа, ненавидя и преследуя его представителей, готовыхъ положить свои головы за *народные* интересы! Въ заключение своей рѣчи Капетъ провозгласилъ всѣ постановленія нац. собранія незаконными и „повелѣлъ“ участникамъ послѣдняго засѣдать отдѣльно и „не смѣть ослушаться“. Но не прошло и одного дня, какъ эти рыцарскіе окрики ему пришлось замѣнить смиреннымъ тономъ, такъ какъ депутаты въ своей рѣшительности сдѣлались еще болѣе „дерзкими“.

И вотъ, король и камерляля взяли за излюбленную тактику всѣхъ деспотовъ. Они кокетничали съ народомъ и его представителями, а за кулисами готовили адскій заговоръ: они задумали перебѣжить г. штаты вдали отъ Парижа, въ глухую провинцію и тамъ заставить ихъ силой штыка вотировать финансовый проектъ, послѣ чего разогнать ихъ, а вслѣдъ за тѣмъ всю, стремящуюся къ свободѣ, страну залить кровью.

На долю парижанъ выпала въ этотъ критическій моментъ благороднѣйшая роль быть авангардомъ освободительнаго движенія не только Франціи, но и всего цивилизованнаго человѣчества. Усиленное стягиваніе военныхъ силъ къ Парижу и удаленіе съ премьерскаго поста слывашаго „любимцемъ“ народа Неккера дали послѣдній толчекъ народному гнѣву. Появился, какъ метеоръ, знаменитый революціонеръ-юноша Камилль Демуленъ и далъ пароль „въ оружіи!“ и все населеніе Парижа въ нѣсколько часовъ вооружилось всѣми смертоносными предметами, какіе только оказались въ его распоряженіи. Первый штурмъ Великой Революціи парижане направили противъ крѣпости Бастили, — этого живого олицетворенія всѣхъ мерзостей династии Бурбоновъ. Наемные швейцарцы и заслуженные унтеръ-офицеры „въ отставкѣ“, охраняющіе Бастилю, бились упорно, но противъ разъяреннаго народа они оказались слабыми. Крѣпость была взята и тѣмъ однимъ ударомъ былъ поломанъ у самодержавно-деспотическаго режима позвоночный хребетъ.

Затѣ камарилья потеряла полное фiasco. На сторонѣ нац. собранія оказалось не только общество, и значительная часть регулярнаго войска. Парижъ организовалъ народную милицію и командованіе ею вручилъ генералу Лафайету. Ничего не оставалось, какъ признать совершившійся фактъ. Людовикъ „последній“, правнукъ того „всемилосливѣйшаго владыки“, который отождествлялъ себя съ Франціей, склонилъ свою коронованную голову передъ депутатами „черни“, которые приняли его, храня гробовое молчаніе, согласно изреченію Мирабо: „Молчаніе народа есть урокъ для королей“. Онъ теперь не посмѣлъ оспаривать у третьяго сословія право называть себя нац. собраніемъ и произнесъ „трогательнымъ“ голосомъ: „Депутаты моего народа, я вѣрю себя вамъ!“ Эти слова настолько восхитили собраніе, что оно позабыло наставленіе Мирабо и устроило Канету шумную овацію. Оно, какъ и его выборщики, было сплошь *монархическаго*, хотя и конституціоннаго, образа мышленія и потому такъ легко поддалось на сладкіе напѣвы деспота.

Такимъ образомъ, былъ заключенъ миръ между королямъ и нац. собраніемъ. Последнее командировало депутацію въ Парижъ, которая объявила населенію объ удаленіи войска изъ города и о призывѣ Неккера во главѣ министерства. Парижане предались ликованію, но, когда самъ Канетъ пріѣхалъ изъ Версаля и торжественно прикрѣпилъ къ своей фуражкѣ трехцвѣтную революціонную кокарду, то они пришли въ такой восторгъ, что готовы были ради него пролить последнюю каплю крови. За день до этого они лишили того-же самого Канета главнаго органа его власти—Бастиліи! Въ знаменитую ночь величайшаго революціоннаго опьяненія, а именно—4 августа 1789 года, когда представители дворянства и духовенства, присоединившіеся къ третьему сословію, отреклись отъ своихъ феодальныхъ привилегій, нац. собраніе единогласно постановило присвоить королю титулъ „возстановителя свободы французской націи“.

Но эта радость скоро уступила мѣсто печальной дѣйствительности. Король и его камарилья не считали еще своего дѣла окончательно проиграннымъ. Все слу-

чившееся представлялось имъ маленькой неприятностью, съ которой они охотно мирились въ виду тѣхъ выгодъ, которыя она предоставляла имъ для выполнения прежняго замысла. Благодаря хитрымъ приемамъ, Капету снова удалось настроить націю въ свою пользу и это обстоятельство ему казалось благопріятнымъ для третирования нац. собранія. „Возстановитель свободы“ отказался утвердить принятую нац. собраніемъ декларацию правъ челоѣвка и гражданина, которая провозглашала челоѣвка *по природѣ свободнымъ и неприкосновеннымъ*.

Подготавливался второй заговоръ. При дворѣ было рѣшено королю уѣхать въ другой городъ, набрать тамъ вѣрную рать и нагрянуть на революціонный Парижъ. Реакція втиши отъ народа старалась изъ всѣхъ силъ выполнить этотъ планъ, а филистеръ Неккеръ, подобно достопочтенному Витте, развлекалъ пока что общественное мнѣніе на тему „слава въ вышнихъ Богу“ и на землѣ Людовику „послѣднему“. Кроме того въ Версалѣ устраивались дворомъ расточительныя попойки гвардейскимъ башки-бузукамъ, предназначеннымъ заранѣе на выполнение измѣнической роли противъ народа. Въ одной изъ этихъ пооекъ офицеры въ присутствіи королевской четы сорвали со своихъ фуражекъ трехцвѣтныя кокарды и придѣлали на мѣсто нихъ бурбонскія бѣлыя кокарды, за что получили „высочайшее“ одобрение.

„Обожаемый монархъ“ плюнулъ, такимъ образомъ, на своихъ обожателей и рѣшилъ съ вѣроломствомъ, достойнымъ профессиональнаго разбойника, отнять у народа то, что ему такъ дорого досталось. Но онъ промахнулся вторично. Парижъ, этотъ титанъ-городъ слишкомъ высоко держалъ революціонное знамя, чтобы до него могъ дотронуться жалкій отирскъ отжившей династіи. Общество предчувствовало приближеніе страшной бури и его взоры поневолѣ обращались на Версалъ, какъ на вѣроятный источникъ этой бѣды. При этомъ весь трудящійся людъ Парижа былъ почти безъ средствъ къ существованію, что еще больше обостряло положеніе.

Наступилъ рѣшительный моментъ. Первый сигналъ къ наступленію подали парижскія женщины, которыя 5 октября тысячами вышли на улицы и площади столицы и подъ вибрацію барабана пронзительно выкрики-

вали „хлѣба, хлѣба, хлѣба!“ Въ это время была подана новый пароль „въ Версаль“ и вся эта толпа возбужденныхъ женщинъ съ оружіемъ и дѣтьми направилась къ Версалю. Впереди онѣ везли большую пушку, на которой сидѣла ихъ вдохновительница, прозванная „амазонкой революціи“ Теруанъ де Мерикуръ съ мечомъ въ одной рукѣ и со знаменемъ, въ другой. Вслѣдъ за женской арміей направилась туда же рабочіе и милиціонеры, съ Лафайетомъ во главѣ.

Никто не зналъ опредѣленно, зачѣмъ все это дѣлалось. Какая то стихійная сила влекла всѣхъ въ Версаль. Придя туда, женщины прежде всего потребовали свиданія съ королемъ, но ихъ молодая депутатки, представленные ему и ошеломленные пышной обстановкой дворца, не могли ничего сказать; одна изъ нихъ стыдливо произнесла только слово „хлѣбъ“. Дукавый Капетъ замѣтилъ смущеніе бѣдныхъ дѣвушекъ, и съ цѣлю — привести ихъ въ совершенное смятеніе, обнявъ первую попавшуюся. Этимъ некариотскимъ лобызаніемъ онъ обрекъ депутатокъ на молчаніе и тѣмъ отстранялъ себя отъ неприятной обязанности услышать изъ ихъ невинныхъ устъ о бѣдствіяхъ массы.

Между тѣмъ на дворѣ вовсе не были такъ сентиментально настроены. Завязался рукопашный бой между дворцовой охраной и женщинами, который, благодаря прибытію мушницъ, обошелся безъ большихъ, сравнительно, жертвъ. Всѣ требовали короля и угрожали разнести дворецъ, если-бы онъ вздумалъ не предстать передъ собравшимся. Ловкому Лафайету удалось убѣдить короля показаться народу съ балкона. Для ослѣвленія массы снова была предѣлана комедія съ трехцвѣтной кокардой но она не произвела ожидаемаго эффекта. Вдругъ масса загремѣла въ одинъ голосъ—„королевская чета идетъ съ нами въ Парижъ!“ Сразу прозрѣли всѣ! Теперь ужъ для каждаго была ясна цѣль его прибытія въ Версаль. Рѣшено было вырвать Капета изъ рукъ властолюбивой камарильи и поставить его подъ строжайшій надзоръ революціоннаго Парижа. Изолированіе короля отъ вліяній реакціонеровъ было самой радикальной мѣрой, какую только можно было тогда придумать, такъ какъ этимъ путемъ, если не совсѣмъ исключалась воз-

возможность дворцового заговора, то по крайней мѣрѣ ставилось ему весьма серьезное препятствіе.

Парижане восторжествовали: они привезли *иллюминацию* короля съ семействомъ въ Парижъ и сдали коммуны „подъ охрану“. Нашъ Капетъ и теперь попытался очаровать сердца своихъ „вѣрноподанныхъ“, отвѣтивъ на привѣтствіе мэра словами: „я отдаюсь моему возлюбленному парижскому населенію съ полнымъ довѣріемъ и удовольствіемъ“. Послѣ этой утомительной церемоніи король былъ водворенъ въ Тюльеринскій замокъ.

Вслѣдъ за королемъ перешло изъ Версаля въ Парижъ нац. собраніе и принялось энергично за работу. Вся недвижимость, принадлежащая духовенству, дворянству и Бурбонамъ была объявлена имъ *собственностью націи* и большая часть ея была назначена на продажу крестьянамъ по мелкимъ участкамъ. Церковнослужителямъ было присвоено званіе государственныхъ чиновниковъ съ обязанностью присягнуть новой конституціи. Были упразднены званія, чины, ордена и другія привилегіи.

Эти реформы среди представителей стараго порядка вызвали броженіе, которое канарилья умѣла раздувать. Король уличилъ эту удобную ситуацію и отказалъ нац. собранію въ утвержденіи его постановленій. Кроме того былъ открытъ новый заговоръ, руководимый маркизомъ Фавра, который поставилъ своей цѣлью убійство Лафайета и мэра Парижа, разогнаніе нац. собранія и похищеніе короля. Весь городъ былъ возмущенъ этимъ наглымъ покушеніемъ и потому, чтобы успокоить населеніе, король явился передъ нац. собраніемъ съ *новинкой*. Хотя нац. собраніе сначала приняло его холодно и сидя, но послѣ льстивой рѣчи Капета на счетъ его „преданности и искренняго желанія“ дѣйствовать за одно съ народными представителями, оно опять потеряло равновѣсіе и трогательно присягнуло на вѣрность „королю, закону и націи“?

Ту-же присягу приняли 400 тысячъ французовъ „на алтарѣ отечества“ въ день знаменитаго національнаго праздненства, устроеннаго по поводу годовщины сокрушенія Бастиліи, 14 іюля 1790 года. Король и королева съ ребенкомъ на рукахъ присягнули въ свою очередь

передъ восторженно приветствовавшимъ ихъ народомъ „законамъ націй“.

Корона и народъ снова заключили миръ, которому, однако, не суждено было продолжаться долго. Тотчасъ послѣ праздненства камарилья принялась за дѣло. Не найдя точки опоры въ самой Франціи, она сосредоточила все свое напряженное вниманіе внѣ ея. Она задумала для продленія своего преступнаго существованія пожертвовать высшими благами націй, — *ея честью и неприкосновенностью*. Да, „всемиловѣйшій“ Капетъ, это „благороднѣйшее“ созданіе „божіей милостью“, възялъ „по казацки“ на своей совѣсти и нарушилъ клятву, данную „на алтарь отечества“; мало этого, — онъ рѣшилъ призвать на Францію австрійцевъ и пруссаковъ и отдать имъ на безграничное угнетеніе и поруганіе *собственный народъ*.

Для выполненія этого позорнѣйшаго замысла камарилья вступила въ секретные переговоры съ иностранными державами. Роль посредниковъ приняли на себя французскіе эмигранты—дворяне и принцы крови, которые во время революціи толпами покинули родину и горѣли страстнымъ желаніемъ отомстить своимъ соотечественникамъ за то только, что они возстали противъ тысячелѣтнаго гнета и захотѣли жить по человѣчески. Кромѣ того бѣшенныя деньги тратились на подкупъ влиятельныхъ гражданъ. Недовольные новыми порядками церковнослужители и роялисты съ вѣдома и содѣйствія двора усиленно распространяли среди темнаго крестьянства „черносотенныя“ идеи и тѣмъ подготавливали извѣстное въ исторіи чудовищное возстаніе вандейцевъ.

Все это дѣлалось такъ ловко и тайно, что никто, кромѣ нѣкоторыхъ непримиримыхъ якобинцевъ, не подозрѣвалъ ничего о готовящемся страшномъ ударѣ. Напротивъ, Капетъ выказалъ какъ разъ теперь необыкновенный талантъ въ одураченіи народа и его представителей. Для вящаго укрѣпленія народнаго довѣрія къ себѣ онъ отправилъ ноту французскимъ посламъ при иностранныхъ дворахъ, — поставить послѣдніе въ извѣстность, что Людовикъ XVI воплѣтъ раздѣляетъ конституціонныя начала Франціи, такъ какъ для него, молъ, „нѣтъ закона выше, какъ желаніе его возлюбленнаго

народа" и т. д. Въ то-же время онъ написалъ пропалавшему за границей принцу Кондэ трогательное письмо съ просьбой вернуться во Францію, такъ какъ его тамъ ожидаютъ „не враги, а друзья“. Оба эти посланія были опубликованы во Франціи и восхищенію нація не было конца.

Камарильѣ, казалось, удалось преодолѣть всякія препятствія: все было подготовлено и предусмотрено. Восстаніе внутри и нападеніе изъ-внѣ были обезпечены. На границѣ Бельгіи стоялъ преданный двору французскій генераль Буилье съ войсками, который ждалъ только сигнала, чтобы двинуться на Парижъ. Необходимъ былъ только отъѣздъ Капета къ Буилье, — иначе онъ могъ оказаться въ опасности среди парижанъ. При томъ онъ былъ незамѣнимъ для воодушевленія арміи, идущей на своихъ согражданъ. Но, такъ какъ невозможно было отлучиться изъ Парижа открыто, рѣшено было удрать тайно.

И вотъ, мы присутствуемъ при исполненіи одного изъ забавнѣйшихъ фарсовъ, сыгранныхъ когда нибудь королями. Въ позднюю ночь 20 іюня 1791 года королевская семья выползла украдкой изъ Тюльери и усѣлась преудобно въ дожидавшемся по близости старомодномъ экипажѣ, который долженъ былъ доставить ее въ лагерь Буилье. Для предотвращенія всякой напасти по дорогѣ были заранѣе подраздѣлены роли: мадамъ Турцель, гувернантка королевскихъ дѣтей, фигурировала, какъ русская путешественница княгиня Корфъ, Людовикъ XVI, какъ ея камердинеръ, королева и принцесса Елизавета, какъ ея компаньонки. На возлахъ сидѣли два переодѣтыхъ гвардейца. Въ довершеніе всего у „княгини Корфъ“ былъ фальшивый паспортъ для предъявленія властямъ.

Была прелестная лѣтняя ночь. Свободная Франція спала богатырскиимъ сномъ и не подозрѣвала, что на нее хотѣли снова надѣть рабское ярмо. Королевскій экипажъ проѣхалъ незамѣтно улицы Парижа и населеніе его узнало о случившемся только на другое утро. Извѣстіе это подняло на ноги всю націю. Были разосланы гонцы по всемъ концамъ страны. Нац. собраніе постановило арестовать короля и объявило себя высшей за-

коподательной и исполнительной вѣсташней. Оно приступило къ чтенію манифеста, оставленнаго бѣдному королю. Въ этомъ манифестѣ обнаружился всепривратительно-предательскій обликъ Капета. Онъ объявлялъ себя непримиримымъ врагомъ всѣхъ преобразованій съ 1789 года. Онъ, котораго всѣ величали „возобновителемъ свободы Франціи“, объявлялъ свое презрѣніе борцамъ этой свободы и надменно возвѣщалъ о томъ, что онъ вернется скоро для возстановленія „освященнаго вѣками единенія монарха съ народомъ“ *цѣной разоренія всей страны.*

Но угрозамъ этимъ опять не суждено было сбыться. Одинъ изъ сыновъ Франціи, провинціальныи почтмейстеръ Жанъ Бабтистъ Друэ выручилъ отечество изъ грозящей бѣды, опознавъ короля совѣтъ близко отъ лагеря Буилье и поднявъ тревогу. Этотъ невзрачный чиновникъ повѣдвалъ въ себѣ слѣдную „преданность престолу“, поставивъ его ниже священныхъ интересовъ націи! „Княгиня Корфъ“ и ея свита были арестованы народной милиціей. не смотря на отрицанія, мольбы и угрозы Капета. Онъ таки серьезно оспаривалъ приписываемое ему королевское званіе и клялся о своемъ *камердинерствѣ*. Но нагодъ поучалъ его, что, если не всѣ камердинеры попадаютъ въ короли, то далеко не всѣ короли достойны камердинерскаго званія.

Граждане, арестовавшіе бѣглыхъ, вошли вѣстѣ съ добычей съ грандіознымъ триумфомъ въ Парижъ. На всѣхъ улицахъ видны были плакаты съ надписью властей: „Кто будетъ привѣтствовать Людовика XVI, тотъ будетъ избитъ, а кто вздумаетъ его оскорблять, того повѣсать“. Никто изъ сотенъ тысячъ зрителей, присутствующихъ при позорномъ шествіи Капета въ Тюльеринскій замокъ, не издалъ ни звука одобренія, или порицанія—слишкомъ серьезень былъ моментъ, чтобы можно было отдаваться минутному рефлексу. Въ этотъ именно моментъ совершился въ умахъ французской націи роковой для династіи Бурбоновъ переломъ: монархическая идея, такъ крѣпко всосавшаяся въ плоть и кровь народа, потеряла свое прежнее обаяніе и противоположная ей—республиканская идея начала покорять сердца страстныхъ французовъ. Этому настроенію націи дали

тотчасъ рѣзкое выраженіе въ клубѣ своихъ приверженцевъ знаменитые главари якобинцевъ Робеспьеръ и Дантонъ,

Послѣдующая тактика нац. собранія не оказалась, однако, соответствующей этой новой стадіи революціоннаго движенія. У него даже хватило смѣлости объявить всенародно, что „король противъ воли былъ похищенъ врагами отечества“. Въслѣдъ за тѣмъ оно отиѣнило свое прежнее постановленіе о временномъ отрѣшеніи короля отъ его сана и приняло отъ него вторично торжественную присягу на вѣрность конституціи.

Впрочемъ, національное собраніе состоящее въ своемъ большинствѣ изъ буржуа, давно перестало быть революціоннымъ. Главная задача—упраздненіе феодальныхъ привилегій и деспотизма—была достигнута предшествующей борьбой и теперь оно носилось съ мыслью ликвидировать революцію. Оно выработало основные законы монархической конституціи и тѣмъ мнило, что ему удалось установить прочный миръ между короной и народнымъ представительствомъ. Оно провозгласило юридическую свободу личности, что другими словами означало свободу купли-продажи наемнаго труда, и ему больше ничего не нужно было, такъ какъ продленіе „анархіи“ грозило его довѣрителямъ матеріальными убытками и „непомѣрными“ претензіями массы. Насколько нац. собраніе пало въ глазахъ общества, это ясно обнаружилось при распущеніи его, когда многотысячная толпа встрѣтила выходящихъ изъ зданія депутатовъ ѣдкими насмѣшками и свистомъ. Только одному Робеспьеру были оказаны почести.

Приведенное „превращеніе“ было только началомъ болѣе глубокаго расчлененія французскаго общества. Возникли двѣ могущественныя партіи—жирондистовъ и якобинцевъ, которыя до сихъ поръ шли рука объ руку, но съ этого момента ихъ пути должны были разойтись. Въ созванномъ октябрѣ 1791 года законодательномъ собраніи жирондисты были представлены въ подавляющемъ большинствѣ и были защитниками появившихся властелиновъ-капиталистовъ и банкировъ, идеаломъ которыхъ, какъ видѣли, была монархическая конституція; якобинцы были въ меньшинствѣ и выставляли

своимъ девизомъ демократическую республику. Они преобладали въ самомъ Парижѣ и городская коммуна находилась всецѣло въ ихъ рукахъ. Могущественной опорой этой коммуны, а отсюда-революціи, были рабочіе бѣднѣйшихъ кварталовъ Парижа, прозванные безштанниками (санкюлоты).

Скоро пришлось буржуазіи понести жестокое наказаніе за свое „прекраснодушіе“. Если она своевременно не догадалась упразднить совѣтъ королевскую власть, то теперь въ знакъ благодарности ей коварно мстилъ Капетъ. Въ первый же день засѣданій закон. собранія обнаружился плодъ этой оплошности. Депутатія, явившаяся во дворецъ для увѣдомленія короля о конституированіи закон. собранія, не была принята имъ въ тотъ же день и тѣмъ оны засвидѣтельствовали народнымъ представителямъ свое нерасположеніе. Закон. собраніе, обидѣвшись этимъ, постановило отмѣнить титулы „Государь“ и Величество“, но вскорѣ оны опять взяло свое рѣшеніе обратно.

Между тѣмъ французскіе эмигранты не дремали. Они даже добились того, что австрійскій императоръ, братъ Марія Антуанеты, Леопольдъ II и прусскій король Фридрихъ-Вильгельмъ II всенародно заключили формальный договоръ для возстановленія во Франціи деспотіи. Сама эмиграція въ количествѣ 60.000 человекъ уже стояла на границѣ и выпустили манифестъ на имя короля, гдѣ говорилось, что они идутъ для упраздненія завоеваній народа. Закон. собраніе постановило предать смертной казни вмѣстѣ съ конфискаціей имущества тѣхъ изъ эмигрантовъ, которые не появятся на родину до 1 января 1792 года. Но „всемиловѣйшій“ Капетъ наложилъ на это постановленіе veto и тѣмъ краснорѣчиво доказалъ свою *солідарность съ изменниками отечества*. Тотъ же Капетъ отказался утвердить декретъ закон. собранія о выселеніи изъ провинцій клерикаловъ, возбуждающихъ крестьянство противъ новыхъ порядковъ.

Былъ образованъ особый „австрійскій комитетъ“, ставившій своей цѣлью сближеніе всѣхъ европейскихъ деспотовъ для подавленія революціонной Франціи. Во главѣ этого комитета стояла негласно вся камарилья

и это чувствовалось всеми. Когда столкновение съ вышшими врагами стало неизбежнымъ, Капетъ показывалъ видъ, какъ будто онъ этого не хотѣлъ. На самомъ же дѣлѣ онъ былъ очень радъ, когда онъ съ одобренія закон. собранія объявилъ Австріи войну. Его тайные агенты въ то время уѣзжали въ Вѣнѣ и Берлинъ, что походить на Францію „игрушка“ и торопили союзниковъ скорѣе приняться за дѣло. Нѣкоторые генералы французской арміи также были на сторонѣ кабариллы и ихъ задача заключалась въ содѣйствіи пораженія собственныхъ отрядовъ.

Тѣмъ временемъ дворъ вопреки постановленію народнаго представительства довелъ количество охранявшихъ его гвардейцевъ съ 1800 до 6000, которыхъ онъ вмѣстѣ съ наемными швейцарцами муштровалъ поспѣшно для рѣшительнаго момента. Закон. собраніе, узнавъ объ этомъ, распустило лишнихъ гвардейцевъ и постановило вызвать изъ провинцій для охраны Парижа 20.000 добровольцевъ, прозванныхъ федералистами. Король и на этотъ разъ отказался утвердить декретъ и съ этого момента онъ былъ прозанъ „Monsieur veto“.

Жирондисты были хорошими борцами, но только въ парламентѣ. Право veto они сами предоставили королю, а теперь удивлялись, что онъ пользовался имъ. Вмѣсто того, чтобы лишить его этого права, они додумались до одной курьезной мысли. Она состояла въ томъ, чтобы внушить негласно парижанамъ устроить передъ дворцомъ внушительную демонстрацію съ требованіемъ не такъ часто пользоваться правомъ veto. Къ слову сказать, эта тактика сдѣлалась съ тѣхъ поръ альфой и омегой буржуазныхъ партій всѣхъ странъ. Среди нихъ наши достопочтенные „не республиканцы“ съ ихъ „страшной“ фразой „они бунтуютъ“ занимаютъ не послѣднее мѣсто.

И, дѣйствительно, планъ этотъ былъ выполненъ. Раю утромъ 20 іюня 1792 года 30-тысячная процессія, состоящая изъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, направилась черезъ главные улицы къ зданію закон. собранія. Всѣ были вооружены ружьями, пашками, ножами и др. Одинъ изъ главарей несъ впереди петицію для подачи королю. На знаменахъ были надписи: „Свобода или смерть!“, „долой veto!“ Несли также на кольяхъ

порванные штаны съ надписью— „да здравствуютъ безштаники!“ На одну ногу было надѣто воловьё сердце съ надписью— „сердце аристократовъ“ и т. д.

Закон. собраніе съ почетомъ приняло демонстрантовъ и дозволило имъ продефилировать черезъ залъ за сѣданія. Послѣ этого демонстранты отправились во дворецъ и скоро добились свиданія съ королемъ. Послѣдній, однако, оказался достойнымъ наследникомъ своихъ коварныхъ предковъ. Онъ вышелъ съ немощными тѣлохранителями и сталъ на скамьѣ, чтобы быть видимъ. На требованіе толпы утвердить декреты закон. собранія онъ наотрѣзъ отказался. Въ это время одинъ изъ толпы поднялъ на палкѣ близко отъ короля революціонную красную шапку, которую Капетъ взялъ въ руки и надѣлъ на голову; другой предложилъ ему бутылочку съ водкой, которую тоже взялъ онъ и выпилъ. Эти два ловкихъ маневра были достаточны, чтобы привести толпу въ безумный восторгъ. Въ ней проснулось снова унаслѣдованное ею чувство почтенія и любви передъ династіей Бурбоновъ, и она позабыла на минуту всю свою нищету, все свое озлобленіе. Послѣ этого собравшіеся мирно разошлись и не принесли жирондистамъ, авторамъ демонстраціи, никакой пользы. Капетъ снова осмѣялъ несправимыхъ жирондистовъ за ихъ „вѣрнопопдааннѣйшее“ чувство!

Но за этой шуткой вскорѣ послѣдовалъ серьезный фактъ. Союзныя державы Австрія и Пруссія, почувствовали, наконецъ, себя достаточно готовыми, чтобы открыть военныя дѣйствія противъ Франціи. Предводитель прусской арміи прислалъ французамъ *составленный во дворцѣ Людовика XVI* манифестъ съ призывомъ подчиниться безъ боя,—въ противномъ случаѣ онъ грозилъ „самымъ страшнымъ“ наказаніемъ, котораго они не забудутъ „во вѣки“. Камарилья знала о готовящейся катастрофѣ и напрягала всѣ силы, чтобы облегчить иноземнымъ завоевателямъ разореніе Франціи. Дворецъ былъ оберегаемъ швейцарцами, дворянами и гвардейцами изъ финансовыхъ круговъ. Король, двоекратно присягнувшій конституціи, самъ производилъ имъ смотръ ежедневно въ 5 ч. утра и держалъ передъ кровожадными яничарами заранѣе составленныя рѣчи, трактующія о

преданности престолу и „обожаемому“ монарху, хотя бы для того понадобилось *потопить въ крови націю, изнасиловать тысячи невинныхъ, ограбить все народное богатство и обратить города и села въ пепелъ*. Была, кромя того, на скорую руку организована изъ поддонковъ общества черная сотня, истинная защитница тиранів.

Въ закон. собраніи хорошо понимали, какаѣ опасности ожидаютъ страну. Одинъ изъ его членовъ Брисо произнесъ громовую рѣчь, въ которой, между прочимъ, выяснялись причины опасности. „Вамъ говорятъ—обратился онъ къ собранію—бойтесь королей Пруссіи и Австріи! Но я скажу вамъ, что могущество этихъ враговъ находится здѣсь, во дворцѣ и тамъ должны быть они сперва побѣждены. Вамъ говорятъ—ударьте на противодѣйствующихъ поповъ; но я говорю вамъ—ударьте на Тюльери и вы тѣмъ самымъ разобьете поповъ. Вамъ говорятъ—преслѣдуйте всѣхъ интригановъ, бунтовщиковъ, заговорщиковъ; но я говорю вамъ—всѣ они сами собою исчезнутъ, если вы разнесете Тюльеринскій кабинетъ, такъ какъ этотъ послѣдній есть центральный пунктъ, гдѣ сконцентрированы всѣ нити и откуда исходятъ всѣ интриги. Нація—игральный мячикъ этого кабинета. Это есть секретъ нашего положенія, это есть источникъ бѣды, это есть пунктъ, куда требуется немедленная помощь!“

Въ одну изъ этихъ тревожныхъ почей, когда вся нація была объята ужасомъ передъ приближающейся роковой катастрофой въ городѣ Страсбургѣ одиень молодой инженеръ-офицеръ Руже де Лиль создалъ въ минуту наивысшаго патриотическаго вдохновенія ту могущественную революционную мелодію, которая впоследствии стала известна подъ именемъ „марсельезы“.

Парижская коммуна, федералисты и рабочіе, съ Маратомъ и Дантономъ во главѣ, выдвинулись въ этотъ критическій моментъ на первый планъ. Логика вещей возложила на нихъ ответственную задачу—спасти родину отъ гибели. Былъ данъ пароль „отрѣшеніе короля“ и вся страна повелительнымъ тономъ повторила его. Закон. собраніе колебалось выполнить требованіе народа, но Парижъ больше уже не хотѣлъ ждать. Насе-

леніе его, главнымъ образомъ, безптанники появлялись вооруженными 10 августа 1792 года въ центръ города и оттуда грянули прямо на Тюльери, но теперь уже не за тѣмъ, чтобы забавляться съ Капетомъ, а для его сверженія. Произошла отчаянная схватка, съ обѣихъ сторонъ пали тысячи жертвъ, *но побѣда все-таки осталась за народомъ.*

Замокъ палъ и король выбралъ своимъ убѣжищемъ закон. собраніе, куда его доставили вѣрные слуги. Тамъ уже шло засѣданіе и обсуждался вопросъ объ отстраненіи короля, который смиренно сидѣлъ на очень невзрачномъ мѣстѣ и слушалъ, какъ съ его головы падалъ „державный“ вѣнецъ. Повидимому, вся эта исторія казалась ему менѣе важной, чѣмъ охота на зайцевъ, чѣмъ и объясняется его *необычайное обжорство* въ разгаръ самихъ дебатовъ. Онъ былъ отрѣшенъ, но теперь окончательно. Его передала въ распоряженіе коммуна, которая и заключила его съ семьей въ одинъ изолированный соборъ.

Закон. собраніе провозгласило „отечество въ опасности“ и образовало исполнительный совѣтъ, куда входили отвѣтственные передъ нимъ министры. Среди послѣднихъ выдѣлялся Дантонъ, который благодаря своей необычайной энергіи и пропигательности скоро приобрѣлъ значеніе диктатора. Подъ его руководительство Франція пережила извѣстное въ исторіи „время ужасовъ“, когда гильотина косила роялистовъ и вообще всѣхъ приверженцевъ стараго порядка направо и налево. Чрезвычайный моментъ требовалъ чрезвычайныхъ мѣръ. *25 ми миллионная Франція должна была защитить свою свободу отъ реакціонныхъ силъ всей Европы;* для этого необходимо было уничтожить внутреннихъ измѣнниковъ. „Чтобы побѣдить враговъ и спасти отечество, гремятъ Дантонъ, необходима смѣлость, еще разъ смѣлость и снова смѣлость!“ Последнюю блистательно доказала молодая Франція на полѣ брани съ опытными пруссаками, которыхъ она сбросила у Вальми и помѣшала имъ продолжать наступленіе на Парижъ. „Съ этого дня начинается новая эпоха во всемірной исторіи“, произнесъ тотчасъ послѣ этого сраженія находящійся въ прусской арміи гениальный мыслитель— поэтъ Гёте.

Еще въ день взятія Тюльери закон. собраніе постановило созвать на выработанныхъ имъ демократическихъ началахъ національный конвентъ. *Последній на своемъ первомъ засѣданіи 22 сентября 1792 года упразднилъ королевскую власть и прокламировалъ Францію свободной республикой.*

Но нація, доведенная до бѣлаго каленія измѣническими происками „враговъ отечества“, требовала большаго. Она, почти тысячилѣтіе рабски гнувшая свою спину подъ свистящую нагайку „державныхъ вождей земли“ французской, столько же время слышавшая на всѣхъ перекресткахъ—въ обществѣ и семьѣ, въ церкви и на ярмаркѣ—непрерывное славословіе „священнѣйшей особы“ короля, — она, которая, благодаря своей непросвѣтной тьмотѣ, такъ проглатывала была предана первостатейной разбойничьей шайкѣ—династіи Бурбоновъ, казалось, превратилась въ одинъ мигъ въ свою противоположность, и изъ ея смиренной, елеинной груди вырвался оглушительный крикъ „судь!“ Съ этого момента она вся стала мощью, чистой и красивой, которой суждено было сокрушить основы феодальнаго строя во всей Европѣ.

Настоящая борьба, длившаяся почти въ теченіе четверти вѣка, только началась. Европейскіе деспоты смотрѣли на арестъ Людовика XVI, какъ на неслыханную дерзость и поклялись другъ другу своей „рыцарской“ честью отомстить французамъ. Национальный конвентъ стоялъ передъ альтернативой: онъ долженъ былъ уступить націю и посадить Людовика XVI на скамью подсудимаго, или смириться передъ спесью рыцарей и посадить его на „прародительскій“ престолъ. Онъ выбралъ первый путь и выпустилъ знаменитый манифестъ ко всѣмъ народамъ Европы съ призывомъ на рѣшительную борьбу противъ насилій и произвола ослѣдственныхъ самодержавныхъ тирановъ и ихъ прихвостней.

Звѣзда Капета потеряла свой прежній блескъ. Национальный конвентъ потребовалъ его къ себѣ и предѣдатель Барреръ обратился къ нему со словами: „Французская нація обвиняетъ васъ. Свѣчасъ прочтутъ акты, которые содержатъ факты. Людовикъ, садитесь!“ Прочитанное устанавливало съ несомнѣнною точностью:

заговоры, покушенія на народныя права, подкупы, связи съ иностранными дворами, направленныя противъ отечества и ин. др. На поставленный вопросъ Капетъ не призналъ себя виновнымъ. Мало этого, онъ упорно отвергалъ собственноручныя подписи и ни за что не хотѣлъ признать своимъ собственный желѣзный шкафъ съ актами обвиненія. Послѣ столькихъ „рыцарскихъ“ дѣяній у него не хватило даже смѣлости Санхо-Панса открыто заявить передъ всеми о своихъ монархическихъ убѣжденіяхъ.

Эта нагая ложь подлила масло въ огонь. Конвентъ приговорилъ Людовика XVI за *посягательство на права и честь Французской націи* къ смертной казни, которая была приведена въ исполненіе 20 января 1793 года. Въ минуту до смерти Людовикъ „последній“ еще разъ произнесъ передъ народомъ— „Французы, я не виновенъ!“ *Но ни одна рука не поднялась со стороны многотысячной толпы на его выручку!*

Наврядъ-ли несчастный Капетъ теперь, если-бы ему пощадили на эшафотѣ жизнь, повторилъ-бы приведенное въ началѣ главы „ничего!“

Нѣсколько общихъ замѣчаній къ революціоннымъ движеніямъ 1848 года.

Великая Революція, какъ упомянуто выше, перевернула вверхъ дномъ не одну только Францію. Она оказала разрушительное дѣйствіе на весь социально-политическій строй тогдашней Европы. Монархи Австріи и Пруссіи не изъ чрезмѣрной любви къ Бурбонамъ ополчились противъ вольностей Франціи, а преслѣдовали совершенно конкретную, ощутительную цѣль. Если во Франціи народъ задыхался въ нищетѣ и мракѣ, то не лучше обстояло дѣло въ остальной Европѣ. Поэтому всякая революціонная волна въ первой грозилась пробить брешь въ китайской стѣнѣ послѣдней.

Оно такъ и случилось: республиканскія войска Франціи, руководимыя сначала генераломъ Карно, а затѣмъ Наполеономъ Великимъ, во всѣхъ тѣхъ странахъ, черезъ которыя они прошли, разрушили безповоротнo старыя феодальныя отношенія и приобщили низшіе слои общества къ нѣкоторымъ приобретеніямъ Великой Революціи. Весь успѣхъ наполеоновскихъ походовъ, главнымъ образомъ, объясняется тѣмъ, что они приносили съ собою новыя освободительныя идеи и права, которыя находили благодатную почву среди угнетенныхъ классовъ и тѣмъ располагали ихъ въ свою пользу.

Но война есть разрушеніе, и пока есть что разрушать, она полезна и даже необходима. Съ того-же момента, какъ она изъ средства для достиженія извѣстной цѣли сама превращается въ цѣль, она теряетъ всякую привлекательность. Такъ-же случилось съ Наполеономъ: насколько его первые походы были исторически справедливы и популярны, настолько стали дальнѣйшіе безчеловѣчны и несправедливы. Сообразно этому измѣнилась и ситуация: европейцы, которые получали нѣкоторыя гражданскія права, но, благодаря опустошительнымъ войнамъ, не могли ихъ осуществить въ жизни, начали ненавидѣть французовъ и объединяться для совместнаго удара противъ нихъ. Къ нимъ присоединились „православные“ варвары изъ Россіи и слишкомъ зарвавшійся корсиканецъ былъ побѣжденъ.

Но эта побѣда надъ Наполеономъ означала въ то же время побѣду надъ революціей на цѣлые десятилетия. Носители этой побѣды—крестьяне, бюргеры и рабочіе замѣнили одного внѣшняго завоевателя нѣсколькими дюжинами отечественныхъ императоровъ, королей, курфюрстовъ, герцоговъ и прочихъ кровопийцъ, которые съ рафинированной жестокостью угнетали ихъ. Въ сентябрѣ 1815 года по инициативѣ императора Александра I былъ заключенъ между всѣми державами Европы „священный союзъ“, ставившій своей цѣлью безпрекословную охрану давно осужденнаго жизнью самодержавно-деспотическаго режима и беспощадное искорененіе революціонныхъ идей.

Кромѣ того былъ образованъ такъ называемый „нѣмецкій союзъ“, который преслѣдовалъ ту-же цѣль, что

и общеевропейскій, но его дѣйствіе распространялось только на Германію и Австро-Венгрію. Въ его составъ входили кромѣ Пруссіи и Австріи до сорока мелкихъ королевствъ, княжествъ и вольныхъ герцогствъ. Во главѣ этихъ союзовъ стоялъ въ теченіе 30 лѣтъ австрійскій канцлеръ Меттернихъ, который по безчеловѣчности и цинизму превзошелъ всѣхъ до него жившихъ угнетателей. За этотъ періодъ времени народы Европы вывели на своихъ плечахъ невыразимый гнетъ и униженіе, но не отъ какихъ нибудь азіатскихъ хановъ, а отъ своихъ „всемилюбівейшихъ“ государей. Даже тамъ, гдѣ нововведенія Наполеона вошли въ плоть и кровь населенія и правители неохотно прибѣгали къ репрессіямъ (Баварія, Баденъ и др.), „союзъ“ Меттерниха принималъ всѣ мѣры для отученія либеральствующихъ князей отъ уступчивости массѣ.

Всѣ эти адекія преслѣдованія не достигли, однако, цѣли. Только одна неизлечимая тупость можетъ внушить какому нибудь канцлеру или министру мысль, что онъ въ состояніи повернуть колесо исторіи и диктовать жизни особыя, не соответствующіе ей законы. Въ первой половинѣ XIX столѣтія въ Германіи и Австро-Венгріи экономическія отношенія такъ радикально измѣнились, что ихъ никакими божескими, не говоря ужъ о человѣческихъ, силами нельзя было удержать въ рамкахъ феодальныхъ правовыхъ нормъ и деспотической системы правленія. Капиталистическій способъ производства фактически доминировалъ въ жизни общества, между тѣмъ, какъ у главарей его—капиталистовъ и купцовъ были связаны руки безчисленными притѣсненіями ландфюрстовъ съ рыцарскими перьями и крючкотворствомъ бюрократической клики.

Экономическія превращенія соответствовали вполне политическія идеи того времени. Высоко-поднимающаяся буржуазія поставляла сотни и тысячи молодыхъ идеалоговъ, горячо преданныхъ идеаламъ представляемаго ими класса. Одни изъ нихъ съ кафедры доказывали необходимость реформъ; другіе брались словомъ и подпольной печатью распространить среди массы революціонныя идеи; третьи организовывали маленькія, подвижныя группы за границей для постояннаго попол-

ненія кадровъ самоотверженныхъ борцовъ, попадавшихъ въ руки палачей... Въ то-же время Гейне, Бёрне и др. уничтожали своимъ перомъ кровожадную банду королей и князей.

Весь зтотъ могущественный потокъ освободительныхъ идей впервые получилъ свое выраженіе на одномъ народномъ собраніи, созванномъ знаменитыми баденскими республиканцами Геккеромъ и Струве (это—не нашъ практическій политикъ, или политическій практикъ Петеръ!) зъ г. Оффенбургъ 12 сентября 1847 года. Здѣсь были провозглашены всѣ свободы челоѣка и гражданина, демократическія конституціи какъ для отдѣльныхъ государствъ, такъ и для общаго нѣмецкаго союза, всеобщее образованіе, судъ присяжныхъ и ми. др. Была, такимъ образомъ, дана программа, выполнение которой было возложено на слѣдующій 1848 годъ.

Теперь вернемся къ нашимъ „добрымъ“ королямъ!

Фридрихъ Вильгельмъ IV.

Фридрихъ Вильгельмъ IV.

Пруссія была однимъ изъ немногихъ государствъ тогдашней Германіи, гдѣ реакція чувствовала себя наиболѣе сильной и неприступной. Все содержаніе ея политико-правовой физиогноміи исчерпывалось двумя словами *восмищина* и *бюрократизмъ*. Обоиими этими институтами распорядилась неограниченно землевладѣльческая аристократія, которая умѣла сдѣлать изъ нихъ страшное орудіе для безпрекословнаго господства надъ трудящейся массой. Король изъ династіи Гогенцоллерновъ былъ довершеніемъ, такъ сказать, — пышнымъ куполомъ въ византийскомъ стилѣ — этого рабовладѣльческаго зданія. Онъ былъ абсолютенъ, какъ Чингисъ-ханъ, но зависѣлъ въ то-же время всецѣло отъ окружающихъ, такъ что юнкера не безъ основанія говорили: „Король абсолютенъ, если онъ выполняетъ нашу волю!“

Но интересующій насъ Фридрихъ Вильгельмъ IV былъ *echter Keri*, какъ говорятъ нѣмцы. Его вошествіе на престолъ (въ 1840 г.) привело его „върноподданныхъ“ въ самый, какъ говорится, телячій восторгъ. Измученные до крайней степени „палочнымъ“ царствованіемъ его „славнаго“ родителя, они думали, что вотъ, наконецъ, настало время, когда имъ можно будетъ выпрямить спину и пожить немного сноснѣе. Новый король еще наследникомъ былъ большимъ романтикомъ и отличался привѣтливостью, — такая, по крайней мѣрѣ, ходила о немъ молва. Свою мягкость онъ еще доказалъ тѣмъ, что, спустя нѣкоторое время, принялъ „милостиво“ жизнерадостнаго революціоннаго пѣвца Гервегія и сказалъ ему: „Я люблю свободомыслящую оппозицію. Мы разстанемся честными врагами“. Если на другой день послѣ этого свиданія стихотворенія Гервегія были кон-

фискованы во всей Пруссии и его самого прогнали остракизмомъ изъ предѣловъ государства, то это, конечно, не могло омрачить свѣтлаго представленія Фридриха Вильгельма IV о себѣ, какъ о самомъ „честномъ“ монархѣ.

Бюргеры Пруссии полагали, что теперь не такъ-то опасно предстать передъ „его величествомъ“ и смиренно напомнить ему объ обѣщаніи, данномъ однимъ изъ его предковъ о дарованіи народу представительскаго образа правленія. Но съ ними случилось то-же самое, что четыре десятка лѣтъ послѣ того съ представителями земскихъ чиновъ въ одномъ необъятномъ государствѣ, „гдѣ солнце никогда не заходитъ“, и гдѣ, несмотря на это, всегда было темно. Фридрихъ Вильгельмъ IV топнулъ болязненно своими шпоришками и выкрикнулъ бюргерамъ вложенную за кулисами въ его утробу фразу: „Я, я, кто я такой?! Я самодержецъ и никто не смѣетъ указывать мнѣ! Я свито буду хранить завѣты моихъ великихъ родителей!“ Хотя впоследствии пришлось ему созвать провинціальныя сословія, но они состояли почти всё изъ тѣхъ-же юнкеровъ и служили лишь декорацией. Самъ король засвидѣтельствовалъ это, заявивъ сословіямъ: „Между господомъ на небѣ и страной не должна отиснуться никакая писаная бумага, которая должна была бы управлять параграфами и замѣнить старую и святую вѣрность“. „Писанная бумага“ въ устахъ короля означала конституцію, которую онъ изъ любви къ народу, не долженъ былъ ввести, иначе, боже спаси, всевышній пересталъ бы осѣнять его коронованное чело своей благодатью и бѣдные пруссаки пропали бы въ безднѣ!

Но скоро Фрицъ пересталъ лепетать алегории и мѣ. Народовольческая волна поднималась все выше и выше, и по мѣрѣ приближенія, все больше и больше вырисовывались его волчьи зубы на концы дѣла. Теперь уже мало было слышно объ его „честности“ и „свѣтлості“; стоны замученныхъ рабами „политическихъ“ преступленій и преступниковъ смѣнивались съ шипѣніемъ шапкопавіона на министерскихъ балахъ. Нанкъ Фрицъ цокалъ спѣшилъ на поклоніе въ Мекку. Въ Пруссіи издана существовалъ одному вселдательный обрядъ: всѣ короны

ея по вошествіи на престоль, отпралялись на сѣверь, чтобы пасть ниць передь „всемирнымъ жандармомъ“ и „благочестиво“ приложиться къ его пагайкѣ. Это, еще молодого бурша, принялъ наслѣдственный „фельдфебель“ и строго наказаль — „не пуцать!“ — „Не пуцать“ — то весьма „совѣтливо“, но какъ это осуществить, думаль про себя бѣдный Фриць. Но „палка“, которую такъ хорошо владѣль „фельдфебель“, на то и была „палкой“, чтобы ея собственнику во всемъ, касающемся ума-разума, быть баг. Вѣдь, онъ всю свою жизнь размахиваль ею направо и налево, но для чего? зачѣмъ? — это туго воспринимала его „помазанная“ башка. Однако Фриць скоро нашелся. Онъ вспомнилъ заветы отца и то, какую опасность представляла для всѣхъ деспотовъ Европы Франція съ ея революціонными лавинами. Если бы снова взорвало на Западѣ, онъ могъ бы оказаться въ критическомъ положеніи. Во Франціи господствоваль „король биржевикъ“ Людовикъ-Филиппъ, котораго благоговѣнно считаль Фриць своимъ ангеломъ-хранителемъ. При всей его ограниченности нужно отдать ему справедливость: онъ okazaлся умѣе „палки“, такъ какъ только отъ Франціи можно было ожидать первой искры, которая могла взорвать всю Европу съ ея сорока фюрстами. Онъ и написаль за нѣсколько недѣль до взрыва Людовику-Филиппу слѣдующія строки: „Ваше Величество! Вы—щитъ европейскіхъ монархій, самимъ Провидѣніемъ поднятая рука, чтобы спасти зданіе столѣтій и общество на его старомъ, пошатнувшемся фундаментѣ укрѣпить!“

Но... 26 февраля 1848 года, ровно въ 7 ч. вечера, во всей Пруссіи разнесся оглушительный возгласъ: „Въ Парижѣ революція! Провозглашена республика!“ И это была, къ жестокому разочарованію Фрица, сущая правда! Франція, это — страна рожденныхъ революціонеровъ, снова запыла свою пламенную марсельезу и принялась „переоцѣнивать старыя цѣнности“. Мощный духъ парижскихъ рабочихъ не вынесъ наконецъ подлой измѣны буржуазныхъ классовъ, которые присвоили себѣ пріобрѣтенія Великой Революціи, стоящая трудящейся массѣ невозможное количество жертвъ, и въ довершеніе всего навязали націю конституціонно-монархическое правленіе.

Ряди свободныхъ учреждений парижане умѣли приносить и жертвы. Они билсь до самоубвенія на баррикадахъ, побѣдили дикія орды правительства, взяли Тюльери и, не найдя тамъ короля Филиппа-Людовика, исчезнувшего своевременно изъ Франціи, вынесли его драгоценный тронъ и сожгли его торжественно на самомъ видномъ мѣстѣ...

Революція во Франціи послужила сигналомъ для Германіи и Австро-Венгрии. Первыми поднялись южныя государства, гдѣ населеніе сравнительно легко добилось конституціоннаго правопорядка и упраздненія феодальныхъ привилегій. Не лучше обстояло дѣло и въ ханствѣ Фрица, гдѣ для революціонизированія массы требовалось только нѣсколько лишнихъ дней. Резолюціи, протесты, рѣчи, и прокламаціи, какъ будто изъ подземнаго царства, десятками тысячъ выбрасывались ежедневно и жадно поглощались массами. Не дремала и реакція: она готовилась къ рѣшительному бою. А Фрицъ въ своей изобрѣтательности превзошелъ всякія ожиданія! Онъ выпустилъ черезъ свой офиціозъ прокламацію, гдѣ доказывалось, что „проклятая Франція желаетъ снова напустить своихъ революціонныхъ собакъ“ на германское „отечество“ и предать его огню и мечу. „Поэтому необходимо, продолжалъ офиціозъ, сомкнуться всѣмъ намъ противъ вѣшнихъ, но еще болѣе — *внутреннихъ враговъ*, стремящихся погубить насъ французскими нововведеніями“.

5 марта въ гор. Гейдельбергѣ сошлись либералы всякихъ оттѣнковъ и вынесли весьма важную резолюцію. Они, во первыхъ, самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергли инсинуацію Фрица на Францію и заявили, что германскія государства ни въ какомъ случаѣ не должны допустить союза королей съ Россіей для подавленія европейской революціи. Затѣмъ они, провозгласивъ необходимость радикальныхъ реформъ, выбрали изъ своей среды особый комитетъ для созыва и оборудованія перваго національнаго собранія всѣхъ нѣмецкихъ государствъ.

Между тѣмъ въ Берлинѣ, въ столицѣ Пруссіи, движеніе дѣлало гигантскіе шаги. Его гвардію составляли, какъ и вездѣ, рабочіе бѣднѣйшихъ частей города, которые при всѣхъ ихъ героическихъ порывахъ оказались

беспомощными въ новомъ пониманіи собственныхъ классовыхъ интересовъ. Такъ называемое „лучшее“ общество, во главѣ съ магистратомъ, въ особенности, на высшихъ денежныхъ ступеняхъ его, не только хотѣло государственнаго переустройства, но даже выказывало самое ревностное прилежаніе *по части писанія красивыхъ резолюцій* въ пользу него. Болѣе существеннаго оно и не помышляло дѣлать, такъ какъ борцовъ и безъ того было много среди „неприличныхъ“ рабочихъ и мелкихъ бюргеровъ! Самоувѣренность Фрица была еще такъ велика, что онъ при распущеніи карикатурнаго сословнаго комитета 6 марта произнесъ слѣдующую фразу: „Всѣ на свѣтѣ должны знать, что въ Пруссіи король, армія и народъ составляютъ одно цѣльное, нераздѣльное“.

Первая „искупительная“ кровь пролилась 13 марта около Бранденбургскихъ Воротъ, гдѣ произошло столкновение между кавалеріей и возбужденной толпой, кончившееся насильственнымъ разогнаніемъ послѣдней. Эта первая „лихость“ прусской солдатчины, вызвавшая бурю негодованій, хотя и смутила Фрица, но онъ посѣлшилъ тотчасъ-же добавитъ представителямъ города, что, молъ, „въ Берлинѣ температура не можетъ стоять ниже нуля, когда кругомъ горитъ и варится“. Для очистки совѣсти онъ все-таки побѣщаль имъ созвать ландтагъ на 27 апрѣля (!!!), предвосхитивъ нашу тиранію еще и въ томъ отношеніи, что онъ замѣтилъ: при введеніи реформъ должна быть соблюдена „строгая постепенность“. И, дѣйствительно, вскорѣ появился королевскій патентъ, извѣщавшій о созывѣ ландтага. Въ немъ, между прочимъ, говорилось: задача ландтага состоитъ въ томъ, „чтобы посредствомъ *свободныхъ учреждений* защитить Германію отъ *переворота и анархій*“. Другими словами, именемъ свободы засѣчь революцію! (Какъ видите, Дурново-Витте—далеко не оригиналы: они тоже стараются „свободныя учреждения“, возвѣщенные октябрьскимъ манифестомъ, выриснуть въ россиянь посредствомъ 12-тидюймовыхъ, чтобы выбить изъ нихъ „анархію!“)

За первымъ столкновеніемъ слѣдовали новыя, но болѣе горячія схватки, а именно—15 и 16 марта. Войска пустили въ ходъ всѣ роды и виды оружія; пало много

жертвъ, но побѣда не осталась ни на чьей сторонѣ. Во дворцѣ стали чувствовать себя немного жутко. Усомнились въ успѣхѣ и рѣшили уступить, пока не поздно. 17-го было перемиріе, а 18-го торжественно было возвѣщено съ балкона королевскаго дворца: „Король желаетъ, чтобы ландтагъ былъ созванъ немедленно; король желаетъ, чтобы одна свободнѣйшая конституція включала въ себя все нѣмецкія государства; король желаетъ, чтобы Пруссія стала во главѣ движенія“... Многотысячная толпа шумно привѣтствовала эти обѣщанія. Только немного поодаль отъ этого мѣста стоялъ одинъ мускулистый, бѣдно-одѣтый рабочій и мрачно смотрѣлъ въ землю. Къ нему подошелъ министръ Юстиціи Савиньи и укоризненно сказалъ ему: „Собственно говоря, король далъ больше, чѣмъ отъ него требовали!“ Скептикъ-рабочій поднялъ голову и отвѣтилъ ему сердито: „Старикашка, ты этого не понимаешь, — ничего вовсе не давали!“ Слова простого рабочаго должны были тотчасъ-же подтвердиться на фактахъ, чтобы немного пополнить *учесть* стараго Савиньи!

Лыкующая толпа росла численно и скоро наполнила большую площадь передъ дворцомъ. При каждомъ появленіи короля раздавалось шумное, долго несмолкающее ура. Житейскія невагоды были забыты. Все восторгалось не столько положительностью возвѣщенныхъ обѣщаній, сколько „добротой“ и „непосредственностью“ Фрица. Было уже 2 часа пополудни, какъ король и его свита ушли съ балкона, но народъ не думалъ расходиться. Его такъ увлекла радость, что не спѣшилъ прийти въ себя и вернуться къ сѣрой дѣйствительности.

Но въ это самое время въ глубинѣ дворца готовилась омерзительная измѣна. Камарилья задумала „проучить“ массу и „отбить“ у нея навсегда охоту къ „бунтарству!“ Безоружный народъ—мужчины, женщины, старики, дѣти—стоялъ беззащитно передъ вымуштрованной до озвѣренія регулярной арміей? Онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ! Онъ даже придумалъ для объясненія этого неслыханнаго зрѣлища „лазейку“: онъ вообразилъ, что армія явилась съ той же цѣлью, что и онъ самъ, т. е. чтобы принять участіе во всеобщемъ торжествѣ... Онъ привѣтствовалъ ее! Въ отвѣтъ на это онъ получалъ

со всѣхъ сторонъ гранаты, пули, пики, шашки, нагайки, лошадиныя подковы... Страшные стоны умирающихъ вырвали изъ груди разсвирѣвшей массы два слова — „Измѣна!“ „Къ оружію!“ Народъ поднималъ брошенную ему перчатку и далъ совершенно безъ всякой подготовки генеральное сраженіе. На всѣхъ главныхъ улицахъ Берлина были воздвигнуты грозныя баррикады, а на нихъ самоотверженно бились рабочіе и бюргеры. Позади за кострами толпились женщины и дѣти и отливали пули для старомодныхъ ружей. Прусскіе стратеги напрягли все свое искусство, чтобы одолѣть народъ, но безуспѣшно. Нашъ Фрицъ тоже принималъ участіе въ этомъ сраженіи, стоя съ биноклемъ у оконъ дворца и давая распоряженія. Вдругъ у одного окна онъ увидѣлъ революціонное знамя и съ отчаяніемъ закричалъ — „удалите же его съ моихъ глазъ!“ Но оно не хотѣло слушаться и вело храбрыхъ борцовъ къ побѣдѣ. Фрицъ потерялъ мужество и просилъ о мирѣ, поднимъ бѣлые флаги съ надписью „недоразумѣніе! Король желаетъ самаго лучшаго!“ Этотъ „гогенцоллернскій сапогъ“ называлъ „недоразумѣніемъ“ вѣроломное пролітіе цѣлаго моря человѣческой крови! Борцы не пошли на эту коварную уловку и съ еще большей энергіей продолжали начатое дѣло. Въ 6 часовъ вечера вышла королевская прокламація, озаглавленная — „Къ моимъ возлюбленнымъ берлинцамъ!“ Въ ней Фрицъ горько жаловался, что берлинцы дали себя обмануть „злodeямъ-чужеземцамъ“ и „внутреннимъ крамольникамъ“; клялся „честнымъ“ словомъ, что выстрѣлы войска — *чистая случайность*, что выстрѣлы раздались со *сторонъ народа*; въ заключеніе онъ заклиналъ всѣхъ „забыть происшедшее“. (Безстыдная ложь — одна изъ неотъемлемыхъ чертъ всѣхъ деспотовъ!) Народъ стоялъ на своемъ посту и ковалъ собственное счастье. Ночь прошла въ непрерывномъ бою. Утромъ 19 мая вышелъ королевскій указъ объ очисткѣ Берлина войсками. *Окровавленное чудовище — самодержавіе лежало на землѣ, а надъ нимъ гордо стоялъ побѣдоносный народъ.*

Во дворѣ королевскаго зданія лежали длинными рядами мученики за святое дѣло. Со всѣхъ сторонъ стекались туда загорѣлые отъ пороха борцы отдать по-

слѣдную честь товарищамъ по оружію. Раздался повелительный возгласъ собравшихся— „подать короля!“ Онъ вышелъ *блѣдный и ничтожный*. Раздался голосъ — „шанки долой!“ и жалкій Фрицъ обнажилъ свою плѣшивую голову. Его физія изображала страданіе. Можетъ быть отъ раскаянія? Это мы еще увидимъ.

Радость, обуявшая весь Берлинъ, не могла быть омрачена многочисленными жертвами, воздвигшими себѣ несокрушимый памятникъ въ сердцахъ нѣмецкаго пролетариата. Войска до послѣдняго рядового были удалены изъ столицы. Была организована гражданская милиція, которой съ согласія властей было выдано оружіе. Наслѣдникъ престола, будущій императоръ Вильгельмъ I, который выказалъ особенную жестокость во время сраженія и хотѣлъ даже разрушить весь городъ до основанія, чувствуя себя негарантированнымъ отъ народной мести, переодѣтый ѣзжалъ въ Лондонъ. Къ кормилу государственнаго правленія было призвано новое либеральное министерство, прозванное „мартовскимъ“. Кромѣ того особой прокламаціей было возвѣщено о введеніи народнаго представительства на широкихъ демократическихъ началахъ, о свободѣ печатн, личности, союзовъ, собраній и т. д. Крестьянамъ было обѣщано упраздненіе особенно ненавистныхъ имъ пережитковъ стараго феодальнаго строя.

21 марта камарилья издала новую прокламацію „къ нѣмецкой націи“, которая извѣщала всѣхъ о томъ, что „конституціонный“ король появится среди своихъ берлинцевъ. И дѣйствительно, въ тотъ же день онъ въ сопровожденіи свиты на ѣломъ конѣ объѣзжалъ всѣ видныя мѣста города. Королевская прогулка была предпринята съ низкою цѣлью—вести народъ въ заблужденіе. Это хорошо было видно изъ того, что Фрицъ *имѣлъ на рукавѣ повязку изъ тѣхъ самихъ революціонныхъ цвѣтновъ*, которые третьяго дня повергли его въ униженіе. Онъ произнесъ передъ собравшимися бюргерами: „Я знаю хорошо, что я силенъ не оружіемъ моего храбраго войска, не полнотой моей казны, а сердцемъ и вѣрностью моего народа“. Никто не нашелся сказать, что „храбрость“ войска, равно „полнота“ казны были *существеннымъ* уклоненіемъ отъ истины! Около

университета Фрицъ обратился къ студентамъ со словами: „Я пошу не мой *царь*, но этимъ я ничего не узурпирую; и не хочу ни короны, ни господства, и желаю свободы и единства Германіи, я хочу *порядка!*“ Неумный Фрицъ проболтался,—онъ переступилъ границы, указанныя ему камарильей. Послѣдніи очень даже хотѣла позаботиться о „порядкѣ“, но „возлюбленные“ берлинцы не должны были пока объ этомъ знать!

Революціонная масса Берлина—рабочіе находились въ это время на фабрикахъ и въ мастерскихъ и не принимали никакого участія на этихъ торжествахъ. Буржуазные филістеры предавались восхищенію отъ „милостивыхъ“ словъ коронованнаго болтуна и падали ницъ передъ нимъ. Представители имущихъ классовъ считали революцію оконченною и спѣшили поскорѣе помириться съ властью. Они воспользовались безознательностью рабочихъ и все оружіе выдали буржуазнымъ милиціонерамъ, оказавшимся впоследствии на сторонѣ правительства, войскамъ котораго они дозволили *неслыханное* въ исторіи революціонныхъ движеній *безпрятствственное* *вступленіе* въ столицу и *собственное* *разоруженіе*. Въ самомъ дѣлѣ, капиталисты достигли свободы дѣйствія и парламентаризма; теперь имъ нуженъ былъ покой для безцеремоннаго эксплуатированія юридически свободныхъ, но экономически обездоленныхъ пролетаріевъ. О закрѣпленіи мартовскихъ завоеваній они не думали.. Въ мою задачу не входитъ ознакомленіе читателя весьма *поучительной* тактикой буржуазныхъ партій Германіи въ 1848 и слѣдующихъ годахъ. Считаю себя не совсемъ далекимъ отъ истины, если замѣчу, что нынѣшнія буржуазныя партіи Россіи не только въ общемъ, но иногда въ деталяхъ, сильно напоминаютъ своихъ западныхъ предшественницъ, несмотря на 60-лѣтній промежутокъ, отдѣляющій первыя отъ послѣднихъ. Для проверки этой мысли отсылаю читателя къ социалдемократической литературѣ.

Камарилья между тѣмъ, во главѣ съ королевой и ея „собесѣдникомъ“ Гермахомъ, работала усѣбно надъ подготовкой почвы для обратнаго завоеванія тѣхъ правъ, которыя были вырваны изъ ея окоченѣлыхъ рукъ. Не прошло и полторы мѣсяца, какъ „конституціонный“

Фрицъ съ серьезной миной „благочестивѣйшаго и само-державнѣйшаго“ въ письмѣ своемъ къ лондонскому другу Буззону предавалъ проклятію и конституцію, и всякія другія свободы. Онъ называлъ народныхъ героевъ „сволочью“ и все мартовское движеніе приписывалъ „10-ти тысячамъ“ извознымъ французамъ, евреямъ, полякамъ и всякимъ инымъ „отбросамъ“, которые тайно пробрались въ Берлинъ и устроили „омерзительное воз-станіе“. Такое *бодрое* настроеніе Фрица скоро должны были почувствовать на-себѣ и представители прусскаго національнаго собранія, открывшаго свои занятія 22 мая въ Берлинѣ. Ихъ пригласилъ къ себѣ король, на что они отозвались весьма охотно. Отъ Берлина до Потсдама, гдѣ тогда жилъ король, они ѣхали въ открытыхъ коляскахъ, вслѣдствіе чего ихъ лица и костюмы были до неузнаваемости покрыты лѣтней пылью. Вѣдь они не жалѣли своего живота для выполненія этого великаго акта! Когда, наконецъ, они добрались до вѣста и скром-ненько попросили у придворныхъ лакеевъ почистить ихъ фраки (они имѣли и перчатки, г. Петрункевич!), тѣ то-нули ногами на „всесильныхъ“ уполномоченныхъ народа и не дали даже щетокъ. Тогда наши „высокіе“ гости при-нялись вытряхивать другъ друга, а лакеи забавлялись открытымъ вышучиваніемъ ихъ. Послѣ долгаго ожиданія вышелъ король и оставался съ ними всего нѣсколько минутъ. Злые языки говорятъ, что Фрицу не понрави-лись не совѣтъ благовидныя одѣнія депутатовъ и по-тому онъ такъ поспѣшилъ уйти!

Вскорѣ, однако, реакція почувствовала себя настолько сильною, что она отъ щелчковъ по депутатскимъ носамъ перешла къ здоровеннымъ „внушеніямъ“. Первый ея шагъ въ этомъ направленіи было veto, наложенное ко-ролемъ на постановленіе нац. собранія о принесеніи офицерамъ арміи присяги на вѣрность конституціи. Фрицъ не скрывалъ теперь своей мысли, что штыкъ „храбраго войска“ выше народнаго „сердца“. Такимъ-же отпоромъ встрѣтилъ онъ отъѣзду смертной казни. Да какъ же онъ могъ обойтись безъ нея? (Спросите Дурново-Витте!). Когда нац. собраніе рѣшилось, нако-нецъ, выйти изъ пассивнаго состоянія и потребовало ут-вержденія всовершенно своихъ постановленій, Фрицъ разсер-

дился и, оставивъ либеральныхъ министровъ, назначилъ на ихъ мѣста извѣстнаго реакціонера, незаконнаго сына одного изъ Гогенцоллерновъ, графа Бранденбургъ и ему подобныхъ. Депутацио нац. собранія, явившюся къ нему просить объ отиѣнѣ этого рѣшенія, Фрицъ выслушалъ равнодушно и только собрался отойти, какъ выступилъ одинъ изъ депутатовъ, извѣстный Іоганъ Якоби и произнесъ громко — „Несчастіе королей въ томъ, что они не хотятъ слушать правды!“ Якоби ошибался, конечно, если онъ воображалъ, что короли могутъ съ „правдой“ управлять. На старости лѣтъ онъ и убѣдился въ несомнѣстности этихъ двухъ понятій.

Теперь камарилья повела рѣшительную атаку противъ главной крѣпости. Вышелъ королевскій приказъ о перемѣщеніи нац. собранія въ Бранденбургъ на 27 ноября 1848 года. Протестовавшіе депутаты были разогнаны силой штыка, такъ какъ въ это время Берлинъ уже былъ занятъ войсками, командиръ которыхъ объявилъ отъ имени короля, что онъ явился защищать „свободу отъ анархій!“ Бранденбургскому парламенту былъ представленъ значительно урѣзанный законопроектъ о народномъ представительствѣ, вслѣдствіе непріятія котораго онъ былъ вторично разогнанъ. Вслѣдъ за этимъ правительство выпустило октропированный королемъ трех-классный избирательный законъ, который существуетъ до сихъ поръ и является однимъ изъ реакціоннѣйшихъ мѣръ.

Фрицъ нарушилъ свое „королевское слово“, — такъ говорятъ въ наши дни буржуазныя партіи Пруссіи. А если спросить ихъ, гдѣ это случилось, чтобы короли оставались вѣрными данному „слову“, то они будутъ „хлопать глазами“, по словамъ Ницше.

Для камарильи настала завѣтный день! Она набросилась на общество и постаралась скорѣе обогнать прозѣванное за время „анархій“. Города и деревни были объявлены на военномъ положеніи и юнкера, *предки остзейскихъ бароновъ*, метили народу за принужденное молчаніе въ теченіе цѣлаго года. Кровь трудящейся массы лилась рѣкой и архаическій корабль съ гогенцоллернскимъ флагомъ горделиво плылъ на поверхности ея. Съ этого момента приобрѣтенія и другихъ государствъ

Германиі потеряла свою прочность. Прусская солдатчина предала опустошенію одну за другими цвѣтущія вѣстности Саксоніи, Бадена, Вюртемберга и другихъ мелкихъ княжествъ и разоренный, истерзанный и обезчещенный народъ подчинила его кровожаднымъ тиранамъ.

Эта кровавая эпопея довершилась тѣмъ, что король Фридрихъ Вильгельмъ IV потерялъ послѣдній атомъ своего скуднаго ума и отнынѣ его тронъ былъ перемѣщенъ въ домъ умалишенныхъ. Совершилось пѣчто чудовищное! *Насильственный тиранъ, лишенный ума и разсудка, имѣлъ въ своемъ полномъ распоряженіи въ теченіе двухъ десятиковъ лѣтъ военныя и гражданскія силы страны, метапалъ ими душу и тѣло многомилліоннаго населенія, рѣшалъ вопросы жизни и смерти тысячъ благороднѣйшихъ борцовъ за лучшее будущее страны, топталъ ногами все честное и святое!..*

А спросите-ка нашихъ „не республиканцевъ“, гдѣ та демаркаціонная линия, которая могла бы точно опредѣлить границу между умомъ и сумасшествіемъ, между способностью и тупостью? Гдѣ гарантіи? Они „хлопаютъ глазами“....

Фридрихъ Вильгельмъ IV, король Пруссіи, въ 1873 году перенесъ въ домъ умалишенныхъ послѣдній атомъ своего ума и отнынѣ его тронъ былъ перемѣщенъ въ домъ умалишенныхъ. Совершилось пѣчто чудовищное! Насильственный тиранъ, лишенный ума и разсудка, имѣлъ въ своемъ полномъ распоряженіи въ теченіе двухъ десятиковъ лѣтъ военныя и гражданскія силы страны, метапалъ ими душу и тѣло многомилліоннаго населенія, рѣшалъ вопросы жизни и смерти тысячъ благороднѣйшихъ борцовъ за лучшее будущее страны, топталъ ногами все честное и святое!..

Фердинандъ I.

НАЦІОНАЛЬНАЯ
БІБЛІОТЭКА РЭСПУБЛІКІ
БЕЛАРУСЬ

Фердинандъ I.

„Для меня и Меттерниха хватитъ еще!“ Слова эти произнесъ третій, по счету, „экземпляръ“ Фердинандъ I Габсбургскій, императоръ Австро-Венгрии, когда ему однажды доложили, что казна пуста. Въ нихъ заключается вся несложная философія самодержавно-деспотической системы правленія. Въ самомъ дѣлѣ, какая еще можетъ существовать высшая государственная задача, для выполненія которой нужно затратить милліоны и милліарды, собранные съ „возлюбленнаго“ народа, какъ на содержаніе драгоцѣннѣйшей жизни „всемилоствѣйшихъ“ тирановъ и ихъ прихвостней! Другія задачи, какъ-то: школы, больницы, продовольствіе, дороги, почта, телеграфъ и проч. и проч. суть излишнія бредни, до которыхъ властелинамъ никакого дѣла нѣтъ, или въ лучшемъ случаѣ, они должны служить не прямому ихъ назначенію, а единственно укрѣпленію той же самой деспотіи: 30-лѣтнее хозяйничаніе Меттерниха дѣйствительно довело Австро-Венгрію до порога неслыханнаго матеріальнаго и моральнаго истощенія. Все это разноплеменное государство буквально изнемогало подъ страшнымъ политическимъ гнетомъ Меттерниха и экономическимъ рабствомъ ненасытныхъ феодаловъ. Народы издыхали, но молчали, такъ какъ въ государствѣ не должно было существовать другого мнѣнія, кромѣ мнѣнія Меттерниха, другой прессы, кромѣ официоза Меттерниха, другихъ обязанностей, кромѣ обязанностей платить подати, другихъ правъ, кромѣ правъ подставлять спину подъ удары башни-бузуковъ... Весь государственный доходъ на-чисто уходилъ на содержаніе арміи, полиціи, жандармеріи, шниковъ и камарильи, и все-таки въ годичномъ балансѣ всегда отпѣчался огром-

ный дефицитъ. Полное банкротство было очевидно. Нандль все-таки не унывалъ: Меттернихъ обнадежилъ его, что на нихъ двоихъ „еще хватать!“

Но настала „страшный судъ“, не „синодальный“, а настоящій, народный. Раскаты парижскаго грома разразились всей своей силой надъ Вѣной и вдребезги разнесли главную твердыню европейской реакціи съ ея вдохновителемъ Меттернихомъ. 13 марта 1848 года население Вѣны стояло передъ городской ратушей и гремѣло: „Долой Меттерниха!“ „Долой лезуитовъ!“ „Народное вооруженіе!“ „Не надо русскихъ!“ (Подъ послѣдними подразумѣвалась наша „славная“ армія, всегда готовая, благодаря своей темнотѣ, по первому зову Меттерниха явиться въ Европу для „тушенія“ революціи). Камарилья выставила свой испытанный аргументъ для опроверженія „неосновательныхъ возрѣній“ вѣнскихъ жителей — инфантерію, кавалерію и артиллерию. На заявленіе думской депутаціи, что это не личное безчестіе, а революція, Меттернихъ воскликнулъ: „Неправда! это—бунтъ, искусственно устроенный евреями, поляками, итальянцами и швейцарцами!“

Этотъ тупой тиранъ не понималъ, что для революціонизированія массы онъ сдѣлалъ несравненно больше, чѣмъ всѣ агитаторы Европы, вмѣстѣ взятые.

Въ то время, какъ на улицѣ лилась кровь безоружнаго народа, Фердинандъ заперся въ отдѣльную комнату и, не пуская никого къ себѣ, неистово кричалъ: „ich lass' ninitt schiessen!“ (Я не позволю стрѣлять!). Да, онъ былъ добръ отъ природы и не выносилъ разстрѣла безоружныхъ людей. Но что значилъ онъ, если камарилья желала выбить бѣсъ изъ „упрямаго“ народа! Вѣдь, императоръ, въ качествѣ простаго смертнаго не столь опасная штука! Въ самомъ худшемъ случаѣ, когда онъ невмѣняемъ и кровожаденъ, онъ не можетъ причинить народу больше зла, чѣмъ какой-нибудь разбойникъ. Будь Неронъ не императоръ, онъ ежегъ-бы два-три дома, или даже цѣлый кварталъ, но не весь Римъ! Всякій императоръ, какой бы деспотъ онъ ни былъ, былъ, есть и будетъ *изрушкой* въ рукахъ камарильи, вербующей своихъ членовъ изъ представителей господствующихъ классовъ. Съ тѣмъ большимъ правомъ можно это ска-

зять объ ограниченномъ и добродушномъ Фердинандѣ. Онъ никогда не управлялъ, а самъ былъ управляемъ. Все дѣлалось отъ его имени, а его коронованная голова никогда не помышляла о государственныхъ дѣлахъ.

Но была другая сила, которая заставила камарилью отступить, это—упорство революціонной Вѣны. Главное требованіе народа выразилось, какъ упомянуто выше, въ удаленіи Меттерниха и это было, нужно признать, самымъ важнымъ. Разрушеніе монархической власти должно было начаться съ паденія *этого прародителя Плевсе*. Это хорошо понимали и крестьяне, которые первымъ долгомъ сожгли его дорогую виллу. Но Меттерниху не хотѣлось уходить. Какъ? 30 лѣтъ неустанной службы „престолу и отечеству“ и вдругъ такое вознагражденіе! Даже безъ „пенсін и мундира!“ Но когда и при дворѣ поставили ему на видъ, что онъ можетъ убраться, онъ сдался и написалъ на послѣдней официальной бумагѣ: „Я подписываю разложеніе монархіи“. Все точь въ точь такъ, какъ наши большие и малые Меттернихи! А монархія существуетъ 60 лѣтъ съ тѣхъ поръ и ни за что не распадается!

Добрый Наудль объѣзжалъ на другой день городъ и восхищалъ вѣщевъ своимъ „не стрѣлять“, а камарилья (теперь безъ Меттерниха) писала отъ его имени новый приказъ: „Императоръ рѣшилъ восстановленіе порядка поручить фельдмаршалу князю Виндшигрецу съ чрезвычайными полномочіями и всю военно-гражданскую власть подчинить ему“. „Это была свобода съ военной диктатурой и картечью!“ по словамъ историка. Вотъ тогда заговорила Вѣна болѣе опредѣленно— „свобода печати, конституція, національная гвардія!“ Камарилья хотѣла вторично вступить въ бой, но на этотъ разъ армія отказалась исполнять роль народного палача и она залѣзла въ свою скорлупу до болѣе удобнаго случая. Народу была обѣщана конституція, дана свобода печати и разрѣшено вооружиться казеннымъ оружіемъ. Явился и известный національный герой Кошуть изъ Венгріи и произнесъ передъ вѣскими студентами одну изъ своихъ знаменитыхъ рѣчей. Систему Габсбурговъ онъ пригвоздилъ къ позорному столбу сло-

вами: „Бюро(-кратія) и штыкъ—самое жалкое средство для связи между націями!“ Устрашенная камарилья уступила и Венгріи. Первая побѣда осталась за народомъ.

Вѣна организовала самозащиту въ видѣ національной гвардіи и академическаго легіона, центральные комитеты которыхъ считались главными руководителями революціоннаго народа. Въ національной гвардіи преобладающее большинство состояло изъ представителей крупной и мелкой буржуазіи, между тѣмъ какъ въ академическомъ легіонѣ, кромѣ студентовъ, числились исключительно рабочіе, которые жили за стѣнами города. (Въ то время центральная часть Вѣны была обнесена стѣнами, благодаря которымъ внутренніе жители, люди состоятельные, всегда имѣли возможность запереться и не пускать „безпокойныхъ“ пролетаріевъ!). Этимъ и объясняется та выдающаяся роль, которую играли вѣнскіе студенты во время революціи 1848 г. Послѣдніе были неодолимы, пока они опирались на мощную спину рабочихъ, но тотчасъ потеряли всякое значеніе, какъ только они отвернулись отъ нихъ.

Камарилья, стремившаяся возстановить свой авторитетъ, должна была, конечно, направить все свои силы противъ этихъ военныхъ организацій. Если ея первая попытка въ этомъ направленіи была неудачна, то послѣ того, какъ многіе гвардейцы-буржуи открыто выражали желаніе помириться съ правительствомъ, она, казалось, могла смѣло приняться за насильственное возстановленіе „порядка“. И дѣйствительно, 13 мая вышелъ приказъ, въ которомъ говорилось о несовмѣстности центральнаго комитета съ сущностью національной гвардіи. Отсюда ясно, что въ высшихъ сферахъ было задумано упразднить его, послѣ чего очередь пала на центральный комитетъ академическаго легіона. Еще до этого камарилья извратила до неузнаваемости торжественное обѣщаніе Фердинанда на счетъ конституціи. 26 апрѣля была опубликована конституція вродѣ „булыгинской“, которая должна была служить не расширенію правъ народа, а его закрѣпощенію.

Но расчетъ придворной клики не оправдался. Центральные комитеты сразу угадали ея замыслы и стали

стигивать свои силы. По первой барабанной тревогѣ стадунтовъ тысячи рабочихъ побросали мастерскія и вооруженные топорами, заступами, кирками появились передъ университетомъ и воодушевленно воскликнули на привѣтствіе студентовъ: „Мы стоимъ за васъ, пока живы“. Появились и правительственные войска. Враги стояли другъ противъ друга и ни одинъ изъ нихъ не рѣшался перейти въ наступленіе. Камарилья давно отдала распоряженіе „не щадить свинца“, но солдаты что-то иѣшкали и глазѣли только на своихъ противниковъ. Фердинандъ видѣлъ эту картину и воскликнулъ свое обычное „не стрѣлять!“. Желаніе императора всегда „свято“ въ глазахъ камарилья, если армія *оказываемъ* въ послушаніи! Камарилья позорно сдалась и распорядилась очистить городъ отъ войскъ. Намѣреніе распустить комитеты было взято назадъ, а на счетъ конституціи объявили, что она только проектъ, который будетъ представленъ на разсмотрѣніе народнымъ представителямъ, выбраннымъ на демократическихъ началахъ.

Камарилья стала серьезно опасаться, что присутствіе императора въ Вѣнѣ можетъ повести къ еще большимъ уступкамъ народу и рѣшила выжить его оттуда. Вѣдный Нандль не хотѣлъ оставлять столицу, но наильники похитили его 17 мая и помѣстили въ реакціонѣйшей провинціи—въ Тироль. На другой день министерство безстыдно объявило, что императоръ уѣхалъ, „самъ не зная объ этомъ“. А официальная вѣнская газета мотивировала отъѣздъ тѣмъ, что „последній день пребыванія его величества въ столицѣ, былъ бы первымъ днемъ республики!“. Вѣнскіе иѣщане были слишкомъ трусливы, чтобы поступить подобно парижанамъ во время бѣгства Людовика XVI, а рабочіе, не имѣя дальнлвидныхъ руководителей, при всей своей революціонности не понимали значенія этого эпизода. За то камарилья „на пять“ знала печальную исторію Людовика XVI и старалась отвратить неудачи послѣдняго. Въ первой императорской прокламаціи замѣтенъ былъ крутой поворотъ въ топѣ. Въ ней Фердинандъ говорилъ, что въ Вѣнѣ „завелась анархисты“, что его лишили тамъ „свободы дѣйствія“, что онъ не отниметь

у народа „дарованных“ правъ, но предлагаетъ всѣмъ быть „лояльными“....

Вскорѣ высунулась сама камарилья. Теперь она цѣлилась въ самого опаснаго врага—въ легионъ студентовъ и рабочихъ. Она ввела опять войска въ городъ и въ то время, какъ студенты, ничего не подозревая, горячо дебатировали въ актовомъ залѣ, всѣ главныя улицы и площади были заняты военными силами. Къ счастью, деспотическій режимъ Меттерниха-Габсбурговъ самъ позаботился довести до вырожденія главарей арміи: въ ней не было ни одного способнаго офицера, могущаго сравняться по отвагѣ и тактикѣ не только съ виѣшними врагами, но даже съ толпой безоружныхъ соотечественниковъ. Этимъ и объясняется тотъ необычайный случай, что командиры полковъ не воспользовались столь благоприятными для нихъ условіями. Национальная гвардія была застигнута врасплохъ; студенты были даже безъ оружія въ зданіи университета, которое легко было окружить, а рабочіе, главные борцы, были за стѣнами и ворота могли быть во всякое время закрыты! Какъ только прошло первое смятеніе, студенты бросились бѣжать, одни по домамъ вооружаться, другіе за городъ предупредить рабочихъ. Не прошло и часа, какъ весь городъ былъ готовъ. Какъ будто по мановенію волшебнаго жезла, выросли изъ-подъ земли сотни огромныхъ баррикадъ, а за ними стояли воинственные пролетаріи во главѣ съ ихъ „дружками“—студентами. И что-же? Камарилья струсила опять и отступила на всѣхъ линіяхъ!

Вся Европа была поражена мужествомъ и тактикой виѣшцевъ. Такихъ героическихъ дѣлъ она могла ожидать отъ національностей съ романской кровью въ жилахъ, но никакъ не отъ „благоправныхъ“ австрійцевъ! Лучшей конъюнктуры для провозглашенія временнаго правительства и торжества демократическихъ началъ нельзя было себѣ представить. Не только въ столицѣ, но и во всей Австріи господствовала въ то время только одна сила и она находилась въ рукахъ виѣскаго студенчества и демократіи. Реакція растерянно металась. Армія была отчасти дезорганизована, отчасти на театрѣ военныхъ дѣйствій въ Ломбардіи. Но постыд-

ная трусость и измѣна буржуазин, неумѣлость и нерѣшительность демократин и безсознательность рабочихъ были тѣми антиреволюціонными факторами, которые дали камарильѣ возможность собраться съ силами и снова наброситься на вчерашнихъ побѣдителей.

Студенты и національные гвардейцы образовали одинъ общій комитетъ безопасности, который принялъ руководство движеніемъ. Рабочіе чувствовали инстинктивно, что чего-то не доставало, а именно—провозглашенія революціоннаго правительства для полнаго использования только-что одержанной побѣды. Требованіе студентовъ разойтись, они встрѣтили съ недоумѣвающими лицами и нѣкоторые даже оказали сопротивленіе. Тогда студенты прибѣгли къ хитрости: они заявили, что желаютъ устроить торжественное шествіе съ знаменами и революціонными пѣснями. Рабочіе охотно последовали за ними и въ сильномъ увлеченіи не замѣтили вовсе, что они были уже за стѣнами города, а ворота за ними были закрыты. Неслыханный фактъ! Главари оттолкнули отъ себя рабочихъ и поставили себя въ положеніе генераловъ безъ арміи! Этотъ на первый взглядъ парадоксальный случай теряетъ всякую „парадоксальность“, если мы посмотримъ на него глазами современнаго пролетарія. Студенты и гвардейцы, вышедшіе преимущественно изъ буржуазныхъ слоевъ, чувствовали *инстинктивную* болѣзнь передъ рабочими, которые могли не удовлетвориться одними политическими правами и предъявить къ нимъ „несовременныя“ экономическія требованія! Наивность рабочихъ была даже такъ велика, что они не потребовали имѣть своихъ представителей въ общемъ комитетѣ безопасности. Они довѣряли студентамъ, которые при всей ихъ самоотверженности оказались плохими стратегами.

22 іюля первый австрійскій парламентъ открылъ свои занятія. Наступилъ достопамятный сезонъ „парламентскаго кретинизма“, когда буржуазные профессора и адвокаты получили давно-желанную возможность своими безконечными, вполнѣ „литературными“ рѣчами морочить головы себѣ и другимъ. На основаніи „точной“ науки они доказывали, что Австро-Венгрія безъ выродившейся династіи Габсбурговъ—все равно, что рыба

безъ воды; что они-де сами, если хотите знать (!), самые „настоящіе“ республиканцы, но народъ? Вѣдь онъ не вынесетъ такого страшнаго удара! Нельзя-же его лишить его „священнѣйшихъ“ правъ имѣть королей! Большинство депутатовъ и безъ этого „ученаго диспута“ знало прекрасно, что, если не народу, то ему во всякомъ случаѣ нуженъ монархъ и отправило къ Фердинанду депутацію съ „всеподданнѣйшей“ просьбой осчастливить его своимъ пріѣздомъ въ столицу. Добрый Нандль „всемилоstinѣйше“ снисшелъ къ мольбамъ „лучшихъ мужей“ и вернулся въ Виену, а камарилья прятала безостановочно свою пряжу.

Разъ демократія и студенчество не помышляли вовсе о захватѣ государственной власти, то побѣда ихъ должна была по необходимости оказаться иллюзорной. Хотя камарилья была разбита, но войска, казна и администрація оставались въ ея рукахъ и, какъ только она пришла въ себя, не преминула воспользоваться этими могущественными факторами. Только неизлечимые болтуны изъ міра нашихъ „критически-мыслящихъ личностей“ могутъ не знать, что во время революціи одинъ 12-дюймовый зарядъ много важнѣе цѣлой арбы бумажныхъ обѣщаній. Камарилья, нужно имъ отдать справедливость, никогда не ошибалась въ этомъ отношеніи: онѣ всегда и вездѣ давали широкообѣщательныя обѣщанія, памятуя твердо первую заповѣдь классоваго государства, что сила въ казни и штыкѣ, а не въ бумагѣ.

И вотъ, 22 августа, когда вѣнское бюргерство замѣтно успокоилось и стало съ довѣріемъ относиться къ правительству, камарилья рѣшилась на одинъ провокаторскій шагъ. Она убавила на 5 крейцеровъ заработную плату у многочисленныхъ рабочихъ, занятыхъ общественными работами, созданными специально для нихъ во время бурныхъ дней? Рабочіе возстали противъ уменьшенія и безъ того нищенской платы и забастовали. Они едѣлали изъ соломы чучело, изображавшее министра общественныхъ работъ, воткнули ему въ ротъ 5-крейцеровую монету, посадили на осла и послѣ торжественнаго шествія повѣсили его, какъ самаго отвѣтнаго преступника. Поводъ для вѣшательства властей былъ

на лицо и камарилья вышлась, при чемъ подавление рабочихъ она поручила не войскамъ, а національной гвардіи, которая позорнѣйшимъ образомъ пролила кровь своихъ союзниковъ-рабочихъ. Этотъ одинъ напервъ камарилья стоялъ больше, нежели тысяча „стилистически“ неподобныхъ рѣчей парламентскихъ цистерновъ! Революціонная Вѣна была разбита изнутри: рабочіе, эти мощные и самоотверженные борцы за счастье всего народа, получили рану отъ тѣхъ, кому они сами дали право на ношеніе оружія, отъ національныхъ гвардейцевъ! Это позорное насиліе со стороны своихъ неизбежно должно было имѣть одно роковое послѣдствіе, а именно—охлажденіе и апатію рабочихъ къ событіямъ дня, что въ свою очередь означало безповоротный проигрышъ будущихъ сраженій. Студенчество и демократія смотрѣли на этотъ выдающійся актъ пассивно и ликвидировали даже дѣла своихъ—революціонныхъ комитетовъ.

Камарилья оказалась умѣе г.г. „ученыхъ“ и во многихъ другихъ отношеніяхъ. Разжиганіе націоналистическихъ страстей и натравливаніе одной народности на другую служили самымъ дѣйствительнымъ и вѣроломнымъ орудіемъ еще въ рукахъ Меттерниха. Читатель помнитъ, какъ первый революціонный взрывъ въ Вѣнѣ Меттернихъ сваливалъ на евреевъ, поляковъ и другихъ, чтобы тѣмъ самымъ вызвать рѣзню между ними и австрійцами, а самому выступить въ роли „униротворителя“. Камарилья принялась теперь съ тѣмъ большимъ прилежаніемъ за использование этого орудія, что многочисленность въ Австро-Венгріи различныхъ національностей и неравномѣрность хозяйственно-культурнаго развитія ихъ давали ей наиприятнѣйшую возможность, чтобы противопоставить ограниченныя націоналистическія тенденціи широкому, обще-имперскому революціонному движенію. Она поставила своей цѣлью задушить революцію въ Австріи съ помощью чеховъ, кرواتовъ и другихъ панславистовъ (кромѣ поляковъ), въ Венгріи съ помощью ихъ-же и австрійцевъ.

Для осуществленія этого человѣконенавистническаго плана камарилья старалась еще до подавленія Вѣны вовлечь мадяровъ, венпримиримыхъ враговъ династии

Габсбурговъ, въ междуусобную борьбу съ проживавшими въ Венгріи другими мелкими народностями. Кроме того, она не разъ проявляла намѣреніе отнять у Венгріи завоеванныя права и назначила даже тамъ генераль-губернатора съ диктаторскими полномочіями. На этой почвѣ возникъ тотъ роковой конфликтъ, который долженъ былъ привести къ столь желанной для камарильи и столь пагубной для общаго движенія войнѣ между Австріей и Венгріей.

Однако, пока націоналистическое ослѣпленіе не достигло своего высшаго апогея, очень многіе, какъ въ Австріи, такъ и въ Венгріи, понимали отлично правительственную тактику, чѣмъ и объясняются первыя неудачи камарильи. 4 октября вышелъ императорскій манифестъ, въ силу котораго венгерскій рейхстагъ былъ распущенъ и главное командованіе войсками Венгріи было поручено бездарному, но за то не менѣе подлому словачу Телачичу. Велѣдъ за тѣмъ вышли приказы по вѣнскому гарнизону, которые назначали нѣкоторые полки къ отбытію въ Венгрію. Но революціонная Вѣна оказалась на высотѣ своего призванія. Рабочіе позабыли въ этотъ критическій для всего народа моментъ напесенную имъ обиду и выступили грозными баталіонами по первому зову студентовъ и демократовъ. 6 октября рано утромъ завязался настоящій бой между народомъ и войсками, причемъ многіе изъ послѣднихъ перешли на сторону первого. На знаменахъ революціонеровъ были надписи: „Не воевать съ братскимъ народомъ!“ „Не отправлять въ Венгрію войскъ!“ „Долой измѣнниковъ-министровъ!“ и т. п. Къ позору буржуазныхъ классовъ, многіе гвардейцы сражались на сторонѣ правительства. На слѣдующее утро сраженіе пришло къ концу, результатомъ чего была полная побѣда народа надъ палачами. Войска очистили городъ, а Фердинандъ, который теперь ужъ не выкрикивалъ „не стрѣлять!“, общалъ призвать новое министерство. Разъяренная столькими визостями камарильи масса задержала главнаго виновника братоубійственнаго сраженія, военнаго министра Латура и, растерзавъ его предварительно, повѣсила его на уличный фонарь.

Отчаявшаяся камарилья обратилась въ бѣгство и

захватила съ собою жалкаго Фердинанда. Грозная Вѣна опять очутилась въ рукахъ демократіи и парламента, но близорукость первой и трусливая болтливость второго опять погубили дѣло. Тысячи молодыхъ, храбрыхъ рабочихъ должны были заплатить своей жизнью, чтобы за тѣмъ г.г. депутаты продали ихъ товарищей озвѣрѣвшимъ врагамъ! Будь тогда современный сознательный пролетаріатъ, онъ раздавилъ бы безповоротно реакціонное чудовище, съ его феодальной епископскою и *коронованными популами*. Но его не было и въ этомъ заключался весь трагизмъ тогдашняго положенія.

Камарилья за подписью Фердинанда выпустила новый манифестъ, гдѣ говорилось, что терпѣніе императора исчерпано и онъ уѣхалъ изъ столицы, чтобы спасти „свободу“ и „независимость“ имперіи. Не правда-ли, читатель, какъ будто этотъ манифестъ написанъ еще вчера? Защищать „свободу“ противъ самоотверженныхъ борцовъ *за эту именно „свободу“*! Видь это абсурдъ! Но погоди, читатель! Предоставь возмущаться такой „нелогичностью“ нашимъ „ученымъ“ политикамъ. Видь ты прекрасно знаешь, что умирающій режимъ изъ тактическихъ соображеній, а не по причинѣ отсутствія логики именемъ „свободы“ объявляетъ крестовый походъ противъ „свободы“. Такъ было при древнихъ и средневѣковыхъ деспотахъ, *такъ будетъ и у насъ*.

Вѣгльскій король и его камарилья находились теперь въ Моравіи, среди славянъ и поддерживали всячески ихъ сепаратистическія стремленія. За нѣсколько дней своей „черносотенной“ дѣятельности они достигли такого успѣха, что славяне неудержимо рвались отомстить... кому? Не высосавшимъ изъ нихъ послѣднюю каплю крови, превратившимъ ихъ въ челоѣкообразныхъ звѣрей—Габсбургамъ и всякимъ феодаламъ-сатрапамъ, а *трудящейся* массѣ революціонной Вѣны и Австріи вообще, которая отдавала свою жизнь *на защиту* ихъ! Утвержденіе націоналистовъ, что какое-либо правительство въ классовомъ государствѣ будетъ при всякихъ условіяхъ дѣйствовать въ пользу своей націи въ ущербъ остальнымъ народностямъ, оказывается суевѣрнымъ. Габсбурги и камарилья, состоящіе исключительно изъ австрійскихъ нѣмцевъ, ополчились противъ своихъ-

же австрійскихъ *Нильцевъ* и для этого призвали на помощь славянъ. „Святая Русь“, „православіе“ и прочія красоты въ устахъ всероссійскаго синаедріона, во главѣ съ митрополитомъ Владиміромъ и его прихвостнемъ Восторговымъ, суть куреніе фиміама передъ Абрамовыми, изнасилованными мученицъ Свирідоновыхъ. Тотъ-же синаедріонъ съ тѣмъ-же усѣхомъ и безстыдствомъ славословилъ бы „святую“ Грузію, Польшу и др., если-бы среди этихъ національностей была бы благопріятная почва для дѣятельности „черной сотни“.

Такимъ образомъ, камарилья заложила подъ собственную столицу новый динамитъ. Теперь нужно было зажечь фитиль и это было мастерски выполнено. Она заставила своего Нацдла всенародно объявить, что онъ рѣшился защитить кромѣ мученицы „свободы“ и „порядокъ“. „Послѣ возстановленія „порядка“, говорилъ онъ австрійцамъ и венгерцамъ, „я вамъ дамъ настоящую конституцію“.

Эта классическая откровенность камарильи, казалось, должна была наставить вѣнскихъ депутатовъ на умъ-разумъ. Ничего подобнаго! Они выпустили прокламацію на имя всѣхъ австрійскихъ національностей съ призывомъ постоять „со всей моральной силой“ за Вѣну и „вымалить“ у „всѣхъ“—тупѣйшаго императора созвать демократическій парламентъ и удалить войска. «Моральная сила» противъ пушекъ! „Вымаливаніе“ у кровожадной камарильи! 22 октября вышелъ новый императорскій декретъ, который звалъ парламентъ „въ виду анархїи въ столицѣ“ перенести свои занятія въ одинъ провинціальный городокъ „по близости отъ его величества“. Бездарность и трусость депутатовъ должны были еще больше усугубиться: они *клялись* передъ ничтожнымъ Габсбургомъ, что въ Вѣнѣ никакой „анархїи“ нѣтъ и ограничилось этимъ. Облеченіе кн. Виндишгреца диктаторскимъ саномъ и носящійся въ воздухѣ пороховой запахъ прошли для нихъ даромъ, или правильнѣе выражаясь, они еще разъ «протестовали» противъ «нелогичности» камарильи! Священнѣйшую обязанность гражданина—объявить себя временнымъ правительствомъ и стать во главѣ революціоннаго народа противъ вѣроломнаго врага—они отклонили отъ себя. Въ довершеніе

всего они упустили своевременно подать руку приближавшимся къ Виѣвѣ подчищамъ изъ Венгріи съ Кошутомъ во главѣ, предлагавшимъ раздавить общими усилиями арміи Виндишгреца и Іелачича и ихъ повелительницу камарилью.

Если депутаты только бумажными протестами бомбардировали „неправомѣрную“ тактику правительства, то столичная масса была лихорадочно занята самовооруженіемъ для отпора нападений правительственныхъ войскъ. Была на скорую руку организована самозащита, самую сердцевину которой составляли 10.000 рабочихъ „Мобилгардистовъ“, руководимыхъ храбрыми студентами и перешедшими къ народу унтеръ-офицерами. Лозунгомъ своимъ рабочіе провозгласили—«побѣда или смерть!» Мелкіе буржеры и отцы семействъ составляли особую армію, которая была предназначена для прикрытія отступленія передовыхъ отрядовъ. Весь городъ былъ раздѣленъ на части, во главѣ которыхъ стояли главные руководители съ правомъ самостоятельнаго дѣйствія въ исключительныхъ случаяхъ. Главными силами революціонеровъ—мобилгардистами командовалъ знаменитый польскій полковникъ Іосифъ Бѣзь.

Аванпостныя стычки между воюющими сторонами начались еще съ 23 октября. За ними слѣдовала опустошительная бомбардировка столицы со стороны Виндишгреца. Тяжеловѣсныя гранаты, взрывчатые заряды и картечи летѣли дождемъ и уничтожали на своемъ пути рѣшительно все. Безчисленные зданія были въ пламени и съ ними вмѣстѣ погибали безпомощные старики и невинныя дѣти. 27 и 28-го октября напряженіе достигло съ обѣихъ сторонъ наивысшей точки. Это былъ невиданный до тѣхъ поръ, какъ по отвагѣ, такъ и по непрерывности, отчаянный поединокъ между „мобилгардистами“ храбраго Бѣзы и превосходящими первыхъ численностью и вооруженіемъ правительственными солдатами. 29-го было заключено перемиріе на 12 часовъ, въ теченіе котораго Виндишгрець потребовалъ сложить оружіе. Самоотверженные рабочіе и студенты съ демократами и слышать не хотѣли о сдачѣ столицы. Крупные буржуи и часть мѣщанъ напротивъ, орали во все

горю сдаться и тѣмъ приводили въ замѣшательство борцовъ. Депутаты болтали пуще прежнего и *молчали*!

Въ этотъ критическій моментъ раздался среди стчавшихся вѣнцевъ оглушительный возгласъ— „Венгерцы идутъ!“ Сіяющіе отъ радости революціонеры бросались стремглавъ на свои посты: загремѣли снова пушки, зашвырнулись картечи, словомъ, завязался рѣшительный бой. Буржуазія была данъ еще одинъ случай, отъ утилизированія котораго зависѣла судьба не только австро-венгерской, но и всей европейской революціи. Рѣшительное выступленіе вѣнскаго парламента могло еще объединить венгерскую регулярную армию съ революціонной арміей столицы и эти послѣднія, безъ сомнѣнія, уничтожили-бы врага. Но депутаты *болтали* (да будутъ они прокляты! воскликнетъ читатель, и съ полнымъ основаніемъ!), а венгерцы стояли передъ носомъ Вѣны и бездѣйствовали. Такому ужасному обороту дѣла не мало содѣйствовало и націоналистическое тщеславіе венгерскихъ генераловъ. Сраженіе длилось 30 и 31 октября. Нѣкоторые члены магистрата надѣли корону на „славныя“ дѣянія ихъ соратниковъ: они отправили депутацию къ Виндшигрецу и, сообщивъ ему объ истощеніи борцовъ за свободу, просили *поскорѣе* войти въ городъ и спасти „благонравныхъ“ обывателей отъ „насилій черни!“ Полный разгромъ столицы и ея населенія со стороны Виндшигреца являлся въ глазахъ буржуазіи *не насиліемъ!*

Финаль этого титаническаго выступленія вѣнскаго пролетариата слѣдующими словами описываетъ депутатъ и поэтъ Гартманъ: „На крестьянскомъ базарѣ мы услышали вдругъ барабанную тревогу, отъ которой—среди грома пушечныхъ выстрѣловъ, разрывающихся бомбъ и грохота разваливающихся домовъ—дѣйствительно становилось жутко; она дѣйствовала въ то-же время чрезвычайно возбуждающе. На верхнемъ базарѣ мы увидѣли откуда исходилъ этотъ звукъ барабаннаго боя. Площадь была безлюдна и пуста, какъ и вообще всѣ улицы и площади въ это время; жители попрятались кто въ погреба, кто во внутреннія комнаты, гдѣ они мнили себя сравнительно въ безопасности отъ пуль. По большой, безлюдной площади шагаль одинъ одиноконькій проле-

тарій, приблизительно 50-ти лѣтъ, а впереди его шедъ, можетъ быть, 14-ти лѣтній подростокъ пролетарій. Мальчуганъ несъ большой черно-красно-золотистый флагъ; старикъ билъ въ барабанъ. Онъ не смотрѣлъ ни вправо ни влево; бомбы перелетали надъ его головой, онъ разрывался то впереди, то позади его; а онъ шествовалъ впередъ умирными шагами и барабанилъ генеральный маршъ; онъ билъ въ барабанъ, какъ будто хотѣлъ пробудить ото сна мертвое царство. Впереди спокойно шелъ мальчуганъ съ флагомъ и старецъ шагалъ и билъ въ барабанъ. Мы окаменѣли при этомъ зрѣлищѣ и слезы выступили на глаза. „Милый другъ“, ласково сказали мы ему, „оставьте: все кончено!“ — „Нѣтъ“, отвѣтилъ старикъ, „они должны выйти, они должны еще разъ выйти, дѣло не должно быть проиграно!“ Сказавъ это, онъ пошелъ впередъ и продолжалъ барабанитъ, такъ что звукъ слышенъ былъ сквозь громъ пушекъ, а мальчикъ спокойно несъ флагъ и оглядывался по сторонамъ, не идутъ-ли они. *Но они не шли!..*“

Виндизгрець занялъ столицу и началась оргія „умиреній“. Вѣшанія и расстрѣлы безъ суда свирѣствовали двѣ недѣли. Чешскіе солдаты, эти несчастные варвары, чинили ужасную расправу надъ своими естественными защитниками — вѣнскими рабочими и ихъ предводителями изъ за того только, что они были вѣмцы! Они жгли, громили, грабили, разрывали живыми, подвергали страшнымъ пыткамъ, насилывали женщинъ и дѣвочки!.. Націоналистическій фанатизмъ приносилъ обильные плоды. Шесть тысячъ вѣнскихъ рабочихъ, легшихъ въ неравной борьбѣ костью ради *буржуазной* свободы, казались правительственнымъ палачамъ все еще немногими. Они жаждали все новой и новой крови!

Императоръ Фердинандъ объявлялъ въ своихъ указахъ все эти омерзительныя насилія *защитой свободы и порядка*. Онъ держалъ передъ насильниками продиктованныя камарильей хвалебныя рѣчи и дарилъ изъ общественныя суммы. Въ своихъ грамотахъ на имя отдѣльныхъ частей „лѣхихъ“ яничаровъ онъ превозносилъ непоколебимую преданность престолу и отечеству, которая, выражалась въ варварскомъ опустошеніи матеріальныхъ силъ и въ зѣвскомъ надругательствѣ надъ

нравственными устоями страны. Въ своихъ рескриптахъ на имя министровъ и сатраповъ онъ ставилъ имъ въ особую заслугу искорененіе „крамолы“ путемъ издѣвательства надъ всѣми божескими и человѣческими законами и щедро раздавалъ имъ ордена съ „бриллиантами“...

Революціонная Австрія была побѣждена и жалкій парламентъ, заседавшій теперь въ назначенномъ ему мѣстечкѣ, засвидѣтельствовалъ собственноручно этотъ историческій фактъ. Камарилья принялась теперь за подавленіе Венгріи. Оставалась еще одна надежда, это — побѣда Венгріи надъ камарильей, что означало-бы торжество революціи. Но камарилья оказалась и въ этой страшной войнѣ побѣдительницей, при чемъ ея успѣхъ былъ достигнутъ съ помощью русскихъ войскъ, съ Паскевичемъ — варшавскимъ насильникомъ во главѣ. Планъ камарильи былъ выполненъ блестятельно: народы Австро-Венгріи парализовали другъ-друга, а камарилья бѣжала и бѣжитъ на всѣхъ ихъ, при чемъ чехи получаютъ самые чувствительные удары шпоръ.

Нашъ ничтожный Нандль еще въ началѣ австро-венгерской войны „вышелъ въ отставку!“ То есть камарилья находила „всемогущаго монарха“ не соответствующимъ своему призванію и заставила его отрѣшиться себя. И это было въ порядкѣ вещей. Камарилья желала послѣ побѣды жить въ Вѣнѣ, между тѣмъ причуды Нандля могли натворить ей еще много бѣдъ. Достигнутая побѣда ей стоила слишкомъ многихъ усилій, чтобы рисковать изъ за какого нибудь „самодержавнаго“ чудака! Она возвела на его престоль вполне послушнаго барана, неотличающагося никакими странностями, племянника его, Франца Іосифа I.

При составленіи настоящей брошюры я вовсе не имѣлъ въ виду нашихъ великихъ и малыхъ ученыхъ. Они отлично знаютъ описанные эпизоды, да еще изъ первыхъ источниковъ. „Нелогично-ли въ такомъ случаѣ“, скажетъ читатель, „со стороны этихъ ученыхъ защищать монархическую власть, все равно, какая она ни была—самодержавная или конституціонная!“ *Ученый профессор* Максимъ Ковалевскій, авторъ многочисленныхъ томовъ, особенно извѣстный, какъ историкъ современной демократіи, произнесъ, какъ извѣстно, на одномъ собраніи слѣдующую классическую фразу: „Во Франціи я—республиканецъ, въ Россіи—монархистъ!“ Было-бы слишкомъ *неделикатно* съ моей стороны, если-бы я причислилъ человека съ такимъ прошлымъ, какъ Максимъ Ковалевскій, къ людямъ нелогичнымъ. Это значило-бы поставить его ниже безмозглой камарильи, дѣйствія которой я объявилъ выше логичными. Приведенная фраза г. Ковалевскаго только на первый взглядъ покажется нелогичной, или даже недостойной человека съ убѣжденіями. Примѣнительно-же къ нашей дѣйствительности она вполне *логична* и представляетъ къншть-эссенцію буржуазной души. Во Франціи, такъ сказать, давно оклиматизировалась республика и буржуазія успѣла сдѣлать изъ нея самое вѣрное орудіе для своего господства, которое особенно краснорѣчиво выразилось въ ея десятиллиардной поддержкѣ россійской деспотіи. А въ Россіи? Дайте профессору Ковалевскому гарантію, что въ Россіи тоже самое будетъ, то есть буржуазія и тамъ такъ-же мастерски совладѣетъ республикой и онъ въ одинъ мигъ превратится въ русскаго республиканца! Ему мерещатся *красные пролетаріи съ ихъ социализмомъ и мужички съ ихъ землей и волей!* что грѣха таять,—шенного трудновато при демократической республикѣ съ этими „чертьми“ справиться!

Такимъ образомъ, нашъ „въ Россіи не республиканецъ“ вполне логиченъ и знаетъ, чего онъ хочетъ. Онъ возстаетъ противъ монархической власти не потому, что она сама по себѣ нигуда не годна, а потому, что ею пользуется не фактическая госпожа современнаго положенія вещей—буржуазія, а бездарная бюрократія. Онъ знаетъ лучше всякихъ крайнихъ партій, что для кре-

стѣянства и пролетаріата конституціонная монархія — начастъ извращеніе истиннаго демократизма и потому вредна, но это не мѣшаетъ ему защищать ее, — какъ „выраженіе народной воли“.

Невольно припоминаешь прусскихъ юнкеровъ, которые въ своемъ безбожій и безнравственности превзошли библейскихъ содомъ-гоморцевъ и, несмотря на это, или скорѣе—вълѣдствіе этого, всѣ силы напрягаютъ на то, чтобы въ народныхъ школахъ, *которыя абсолютно не посещаютъ н.з. дѣлми*, религія занимала первенствующее мѣсто. Точно такъ-же наша буржуазія требуетъ, чтобы трудящаяся масса свято чтіла монархическую власть, которая отнынѣ будетъ служить укрѣпленію ея собственнаго господства.

Остается задать нашимъ „не республиканцамъ“ еще одинъ вопросъ—отчего вы считаете классовую точку зрѣнія ошибочной? Она вѣдь утверждаетъ самый пустякъ, а именно: *Ученый профессоръ Максимъ Ковалевскій и вы все въ силу вашего классоваго положенія предпочитаете конституціонную монархію демократической республикѣ, то есть истинному суверенитету народа.*

А. Чхенкели.

Апрѣль 1906 года.

Книгоиздательство „Амиранъ“

Ал. Арабидзе.

Мойка, 28, кв. 19.

საბჭოთა
საგარეო

570

Поступили въ продажу.

- В. А. Щегло**—Политическая стачка въ Россіи и революціонная борьба . . . . . 10 к.
Вернеръ Зомбартъ—Промышленность . . . . . 25 к.
Л. Брентано—Этика и народы, хозяйство въ исторіи . 10 к.
В. А. Старосельскій—Кавказская драма . . . . . 10 к.
А. Чхенкели—Филлстерствующій премьеръ и великая революція . . . . . 5 к.
Н. Наутскій—Американскій рабочий . . . . . 12 к.
Александръ Новиковъ—Въ чьихъ рукахъ должна быть власть надъ народомъ . . . . . 15 к.
Н. Наутскій—Рефератъ о Маркст . . . . . 7 к.
М. С.—О баррикадной и уличной борьбѣ . . . . . 7 к.
Н. Наутскій—Государственная дума . . . . . 3 к.
Къ теоріи социализма . . . . . 5 к.
Проф. Н. Я. Марръ—Исторія Грузіи . . . . . 25 к.
В. А. Щегло—О поддержкѣ лѣвыхъ . . . . . 1 к.
Д-ръ Антонъ Паненокъ—Религія и социализмъ . . 10 к.
Б. Гейеръ—Элегія и другіе рассказы.
А. Чхенкели—Три короля. (Съ портретами).
Эмиль Вандервельдъ—Борьба за женское избират. право.

Печатаются:

- А. Бебель, Ф. Мерингъ, Вальтеръ и Гекка** „Возникновеніе германской социалдемократіи“—юбилейный сборникъ Лейпцигскихъ рабочихъ.

СКЛАДЪ ИЗДАНИЙ:

Въ книжныхъ магазинахъ: «Трудъ» Спб., Невскій, 60, Москва, Тверская, 38. Въ Харьковѣ—у Павла Ивановича Кавтарадзе, книжн. магаз. «Образованіе» Екатерининская ул., д. Руфа. Въ Кіевѣ—у А. Соколовскаго, Крещатикъ, 14. Въ Одессѣ—въ книгоизд. «Мысль», Пушкинск., 24. Въ Тифлисѣ—въ книжн. маг. Гадилія, Кирочная, 7. Въ Вану—въ книжн. маг. «Проводникъ». Въ Кутаисѣ—въ книжн. маг. Калхиди у Ис. Квициридзе.

Цѣна 20 коп.
